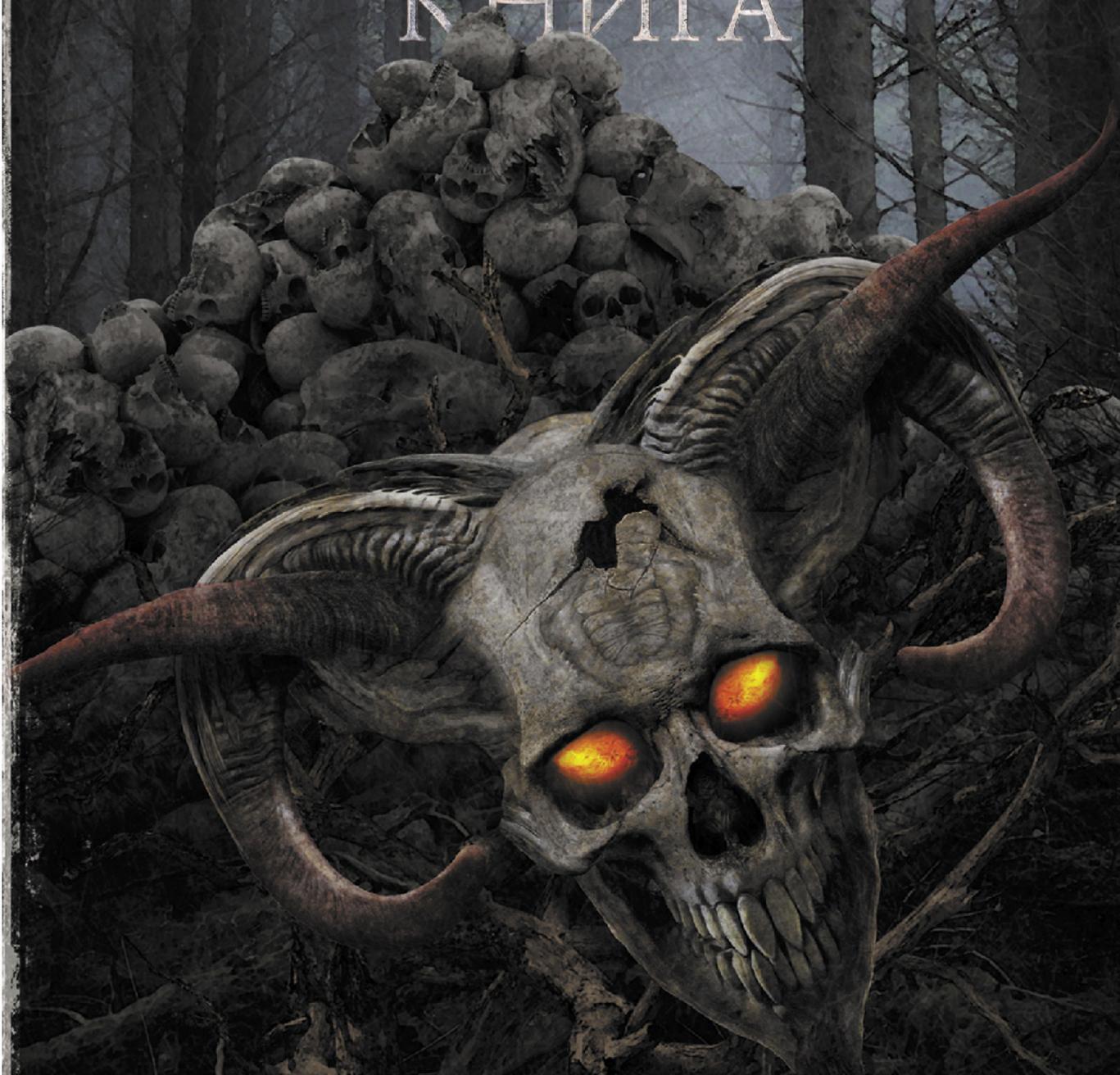

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

13 МЕРТВЕЦОВ

Самая страшная книга

Александр Матюхин

13 мертвецов

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Матюхин А. А.

13 мертвецов / А. А. Матюхин — «Издательство АСТ»,
2022 — (Самая страшная книга)

ISBN 978-5-17-146501-8

Мифический Жнец, старуха с косой, гниющие зомби или просто увядший цветок – у смерти много лиц, но ее настоящий лик никому из живых неведом. Смерть – Великое Неизведанное. Смерть – Великое Неизбежное. И как все незнакомое, но грядущее – смерть пугает. В этой антологии собраны рассказы и повести о смерти и мертвецах. От самых экзотических (хоррор-вестерн от Максима Кабира, самурайский эпос Дмитрия Костюкевича) до простых, каждому понятных и близких (истории Алексея Шолохова и Майка Гелприна). И даже без черного юмора не обошлось, и некрореализму в традициях Мамлеева есть место на страницах этой книги. Ведь у смерти так много лиц... Вот они, перед вами, эти лица.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-146501-8

© Матюхин А. А., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Памяти хоррор-энтузиастов, которых уже нет с нами	6
Memento Mori	7
Герман Шендеров	8
Евгений Абрамович	21
Алексей Шолохов	36
Дэн Старков	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

13 мертвецов

Составитель М. С. Парфенов

© Авторы, текст, 2022

© М. С. Парфенов, составление, 2022

© Валерий Петелин, обложка, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Памяти хоррор-энтузиастов, которых уже нет с нами

Владислав Женевский (скончался в 2015 году, причина смерти – злокачественная опухоль) – писатель, переводчик, критик, публицист и библиограф. Умер во цвете лет, «на взлете», но оставил след в популяризации и развитии жанра. Стоял у истоков Ассоциации авторов хоррора, первых российских хоррор-фэнзинов, писал о хорроре для различных изданий.

Виктория Ерошкина (скончалась в 2017 году, причина смерти – тромб в сердце) – хоррор-фэн, большая поклонница писателя Роберта МакКаммона (помогала с организацией его первого русскоязычного интервью), приветливая и гостеприимная хозяйка сайта «Библиотека ужасов», которую мы всегда будем вспоминать с теплом.

Василий Рузаков (скончался в 2021 году, причина смерти – пневмония, вызванная коронавирусной инфекцией) – музыкант, журналист, переводчик, писатель. Ценитель трэш-кинематографа и андеграундного искусства. Основатель музыкальной группы Vx gas attack, редактор (2011–2019) музыкального раздела журнала DARKER, создатель культового сайта Blood Sex Cult.

Эти люди своим личным примером показывали, что такое настоящая беззаветная любовь к жанру, восхищали и вдохновляли всех, кто их знал.

Помните их – они вечно молодые.

Memento Mori

13 фактов о смерти

1. Каждый день в мире умирает более 150 тысяч человек. Десять человек скончались, пока вы читали это предложение. Более трехсот человек умрут к тому моменту, когда вы дочитаете этот текст до конца.

2. Более половины (55 % по данным за 2019 год) всех смертей в мире вызваны тремя основными группами заболеваний: сердечно-сосудистыми, респираторными (инфекции дыхательных путей и т. п.) и патологии у новорожденных. Берегите себя и близких.

3. Первая известная пандемия – Юстинианова чума (551–580 годы нашей эры) – унесла более 100 миллионов жизней. В XIV веке эпидемия «черной смерти» выкосила более 25 миллионов – на тот момент четверть населения Европы.

4. Более 3,8 миллиона человек скончалось по всему миру чуть более чем за год пандемии нового коронавируса COVID-19. Берегите себя!

5. Согласно одной из теорий, хоронить своих умерших начали еще неандертальцы. Возраст останков наиболее ранних неандертальцев – 500 тысяч лет.

6. Опрос «Левада-Центра» (выполняет функции иностранного агента) от 2020 года показал, что более половины россиян (53 %) в той или иной мере верят в жизнь после смерти. В 2014 году опрос фонда «Общественное мнение» выявил, что 31 % россиян верят в загробную жизнь.

7. При этом 9 % опрошенных фондом «Общественное мнение» заявили, что имели опыт общения с умершими – 6 % встречали их во сне, а еще 1 % – лично.

8. Каждый десятый перенесший состояние клинической смерти, находившийся на грани между жизнью и смертью человек рассказывает о необычных ощущениях и видениях: «свет в конце тоннеля», умиротворение и т. п.

9. После смерти некоторые биологические процессы организма продолжают еще несколько суток. Поэтому у мертвецов отрастают волосы и ногти.

10. Лабораторные исследования (на подопытных животных, в частности – лабораторных мышах) доказали, что после физической смерти сознание может сохраняться до 20 секунд и даже более.

11. Ученые выяснили, что в момент смерти в человеческом мозге активизируются химические процессы, способные привести к зрительным галлюцинациям. Также – в 12 раз увеличивается выброс «гормона удовольствия» (что может объяснять свидетельства из п. 8).

12. Одни мировые религии утверждают, что после смерти душу человека ждет реинкарнация, другие грозят Адом или обещают Рай. В научном мире на сегодня консенсуса насчет феномена «жизни после смерти» не существует.

13. Смерть – великое неизведанное. Она пугает.

Герман Шендеров Лучший погонщик

Перед входом во дворец Амрит поправил бинты на лице. Ткань, влажная от сукровицы, липла к коже, вызывая невыносимый зуд. Дворец раджи гнезвился в мангровых зарослях, окруженный несколькими расчищенными каналами. В их истоках стояли фильтрующие дамбы, превращавшие грязную болотную воду в прозрачные ручейки, однако не избавлявшие от тягучей вони разложения.

Амрит зря беспокоился – у открытых настежь ворот стражников не оказалось, так что можно было немного ослабить бинты и дать раздраженной коже подышать. Ткань же на спине пришлось оставить – перед грядущим походом нужно было позволить целебной мази впитаться.

Внутри дворца ослепительно-белый камень и позолота фасада сменились буровато-серыми корнями, обвившими коридоры так, что не было видно даже стен. Погонщик, ненадолго остановившись глотнуть воздуха и перевести дух, оперся на один особенно толстый корень и тут же отдернул руку – тот шевельнулся и застенчиво спрятался. То, что Амрит поначалу принял за корень, оказалось серой, покрытой засохшей грязью рукой. Стало понятно, почему у ворот не было охраны. Раджа – толстый параноик – не доверял живым, предпочитая держать подле себя целые армии лааш под контролем нескольких кшатриев, что приходились ему дальними родственниками. Только сейчас погонщик, привыкший к вони от собственных гниющих и мокнувших ран, заметил, что дворец прямо-таки смердит медленно разлагающейся плотью, к миазмам которой примешивался слабый аромат мирры.

Амрит и раньше слышал от заезжих купцов о «тоннеле прикосновений» – рассказывали, что гневливый раджа нередко играл с жертвой, благодушно позволяя ей уйти с миром. Незадачливый проситель узнавал о том, что провинился перед раджей, лишь когда стены смыкались, поглощая несчастного.

Коридор вывел погонщика во внутренний двор, и он зажмурился, ослепленный солнцем, бьющим в глаза, – светило не загораживали ни листья, ни кроны деревьев, а мрамор под ногами казался раскаленным добела.

– Вот он, повелитель, лучший погонщик во всем Каяматпуре...

Шипение, раздавшееся будто бы отовсюду, заполнило легкие, вытеснило воздух, превратило свет во тьму. Голова закружилась, и Амрит едва удержался на ногах, вцепившись в какое-то каменное возвышение перед собой.

– Осторожнее, погонщик! – произнес чей-то надменный голос. – Я сам решу, когда мне кормить крокодила.

Когда головокружение отступило, а глаза привыкли к яркому свету, Амрит отшатнулся от бортика бассейна, в котором среди лилий и кувшинок в мутной воде плавала кругами бревноподобная туша. Пустые глазницы пялились в небо, а вода бурлила меж ребер, когда мертвая рептилия размером с лодку лениво переворачивалась, подставляя солнцу выпотрошенное брюхо.

– Достался мне от отца. Он велел лааш вытащить тварюгу из воды и держать на весу, пока тот не сдох от жажды, – пояснил раджа, закидывая в рот виноградину. – Подойди, не бойся.

Амрит, почтительно наклонившись, обогнул бассейн и подошел к ступенькам, ведущим к крытой беседке, где на подушках развалился раджа Хатияра, а рядом...

– Подними глаза, погонщик, дай мне рассмотреть тебя! – воскликнул властитель. – Как твое имя?

– Амрит, повелитель!

– Чего же ты не смотришь на меня, Амрит? Тебя пугает мой визирь?

Визирь был и правда страшен и одновременно великолепен. Ракшас отличался редким черно-белым окрасом, многочисленные руки его бугрились мышцами, поблескивали золоченые черепа на ожерелье, а взгляд голубых – не кошачьих, а человеческих – глаз был немилосердным, твердым, резал точно джамбия. Даже золотые оковы, исписанные защитными письменами и подчинявшие чудовище хозяину, придавали демону вид еще более царственный и свирепый. Тонкий поводок, намотанный на запястье раджи, выглядел игрушечным на фоне его жирной руки.

Правитель был до предела тучен. Голое брюхо, унизанное иглами и кольцами, расплывалось на коленях. Лысый, с выбритыми бровями и мягкими чертами лица, раджа походил на чудовищного младенца.

– Да, повелитель. Мне не приходилось видеть асуров так близко, – соврал Амрит, старательно избегая взгляда визиря.

– Для погонщика ты на редкость труслив. Может, тебя пугают и мои слуги?

Раджа вытянул руку – ногти были такими длинными, что загибались едва не до запястья – и безрукий лааш тут же наклонился, подставляя свою ополовиненную голову. В углублении черепной коробки покоился лопавшийся от спелости красный виноград, напоминавший грудку насосавшихся клещей.

– Нет, повелитель, лааш меня не пугают.

– Вишва, – Хатияра с усмешкой повернулся к визирю, – ты уверен, что он – лучший?

– О да, повелитель! – Тигриная морда ощерилась, обнажив крупные человеческие зубы. Цепи загремели, когда ракшас попытался продемонстрировать полупоклон. – В его распоряжении больше тридцати лааш, и управляется он с ними, как с собственными пальцами.

– Это правда, погонщик? Подумай. Твой предшественник утопил заказ от паши Далала...

Раджа щелкнул ногтями, и лааш за его спиной, вытянувшись по струнке, застыл и повернулся к Амриту. Труп был совсем свежий, с аккуратно пробитой головой и серыми, точно речные гольши, глазами.

– Выяснилось, что опахало он держит лучше, чем плеть.

– Во всем Каяматпуре, от Ачери и до самых пустынных земель, не найдется никого, чья плеть справилась бы лучше! – с гордостью ответил Амрит.

– А эти бинты... Почему ты скрываешь лицо?

– Бесхозные, повелитель. В одном из походов я наткнулся на большую толпу. Груз я вывел, но мне объели губы и нос.

– Объели лицо, но ты вывел груз? Достойно. Хорошо, Амрит, работа твоя. Готовь лааш, выступаем завтра на рассвете!

– Ваше желание – закон, великий раджа Хатияра!

Поклонившись в пол, Амрит принялся медленно отступать, подавляя желание оглянуться, – бортик бассейна с мертвым крокодилом был совсем близко, но к радже, как и к тиграм, нельзя поворачиваться спиной.

– Это твои гребцы? – Раджа лениво прохаживался мимо выстроившихся в ряд лааш. Раб с опухшим то и дело застывал, продолжая обмахивать пустое место, и Хатияра был вынужден дергать себя за кольцо в соске, чтобы тот шел дальше. В облаке мух поодаль переминались мертвецы с паланкином. Под ними скопилась небольшая горка пепла от благовоний, призванных заглушить гнилостный смрад.

– Да, повелитель. Обработаны и накормлены на несколько дней вперед.

– Почему они тоже в масках?

– Зач-ч-чем великому радже лицедреть застывшие на лицах предсмертные гримасы? – прошипел визирь, вышагивавший рядом на тонком поводке точно послушная собачка – единственное разумное существо в свите Хатияра. Даже в шерсти обезьянки, что сидела на смуглом плече раджи, можно было увидеть хаотичное шевеление трупных паразитов. Глазки животного, видимо, кто-то выклевал, и теперь их заменяли драгоценные камни.

– Пожалуй. Амрит!

– Да, повелитель? – Погонщик поклонился, отчего незаживающие раны на спине разошлись, по бинтам стекло несколько струек крови. Насекомые тут же облепили его плечи, но он не смел пошевелиться под взглядом раджи.

– Сколько ты их водишь? Они крепкие, свежие и почти не пахнут! – Изумленный, Хатияра даже не побрезговал прикоснуться к надутому, тугому как барабан животу одной из лааш. Беременная даже не шелохнулась. Раджа бесцеремонно запустил руку под погребальное сари и пошарил в паху у мертвой. – Мягкая! Как живая!

– Они мертвы вот уже одиннадцать лет, но держу я их лишь для особых заказчиков, о повелитель.

Раджа покачал головой:

– Одиннадцать лет? Ха! Каждые два года мои бальзаматоры сшивают из десятка бойцов одного целого, а каждые пять лет мне приходится скармливать их друг другу. Ты лжешь мне, погонщик...

– Эти лааш не дышат очень давно, повелитель. Но они столь послушны и дороги мне, что я обращаюсь с ними бережно. Я немного разбираюсь в бальзамировании. Кедровое масло и обработка щелоком позволяют избавиться от присущих мертвой плоти миазмов. И я храню их в наглухо закрытых бочках...

– Вот как? Знай же, Амрит, если справишься с заданием и твои лааш продержатся до конца маршрута, – клянусь, я жалую тебе должность придворного погонщика и бальзаматора, и пусть Яма сгрызет мои кости, если я лгу!

– Вы столь же великодушны, сколь и мудры, повелитель! – Амрит согнулся в глубоком поклоне. По спине сбежало еще несколько кровавых ручейков.

– Хорошо! Я доволен гребцами, погонщик. Можешь загружать трапугу!

Наконец Амрит выпрямился, расправил плечи и принялся сдергивать с тела бинты, распугивая назойливых насекомых. Обнажились рубцы, прорезавшие спину едва ли не до кости. Работа погонщика – тяжелый и болезненный труд. Открытые раны в джунглях – верный способ умереть долгой и мучительной смертью. Черви, паразиты, насекомые, грязь и болезни проникали в тело беспрепятственно, и вскоре погонщик начинал опрастываться из всех отверстий, потеть кровью и в итоге умирал в страшных муках. Но тем и отличался хороший погонщик от плохого – умением отдать приказ, нанеся себе как можно меньше ударов.

Раздался свист плети, звякнули грузики. На спине Амрита расплзлась бурая полоса. Набухнув, она лопнула, выступило несколько капель крови. В ту же секунду лааш встрепену-

лись, помотали забинтованными головами и ринулись укладывать груз на траппагу. Бочки с вином и мешки с сухофруктами быстро перекочевывали с пирса на широкое плоскодонное судно, увенчанное большим шатром на корме. Амрит следил за ними с плетью в руке, готовый повторить приказ. Мертвецы лишены воли, но не имеют и сознания. Их не заманишь изысканными яствами, развратными женщинами или звонкой рупией. Что лааш понимали по-настоящему хорошо – это боль. Но что толку стегать мертвую задубевшую плоть? А потому приходилось стегать живую.

Раджа предпочел не забираться на борт самостоятельно. Вынув длинную иглу из-под кожи на животе, он долго не решался, но потом все же ткнул себя в палец. Лааш бросили паланкин и зашагали к хозяину, но на полпути разбредлись в стороны и застыли. Раздался рыкающий смешок.

– Великий раджа, – насмешливо промурлыкал визирь, – для властвующего над мертвыми ты слишком боишься боли. Твой отец, да не истлеет плоть его, вел в бой целые армии лааш...

– Да. А еще он лишился руки и был зарезан шлюхой-наложницей! Не ставь мне его в пример! – отрезал Хатияра.

– Руку старый раджа потерял, когда пытался пленить меня в первый раз. Я помню, какова его плоть на вкус...

– Вишва! – Раджа с силой дернул цепь, и громадная фигура многорукого тигра свалилась на каменные плиты, точно придавленная чудовищным весом. – Тебе лучше помнить, что теперь твой хозяин – я. И следить за языком.

– Да, повелитель!

– Мы готовы к отплытию! – возвестил Амрит.

– Отлично! – Повернувшись к гвардии, раджа махнул рукой. Стоящий поодаль офицер-кшатрий кивнул и с силой потянул себя за кольцо в носу да так, что кровь брызнула на золоченую кирасу. Тут же отряд из шести закованных в броню лааш двинулся к трапу, сопровождаемый жужжанием мошкар.

– Галакат – мой телохранитель и будет сопровождать нас! – заявил Хатияра.

– Но, повелитель, нам придется проследовать через всякие болота Тикатик и обойти ямы Браштахара. Каждый живой на борту – невероятный риск. Бесхозные слышат человеческое дыхание за много акров, как и стаи плотоядных ос.

– А если на нас нападут мандрилы – отбиваться ты будешь своей плетью? Нет! Тем более нужен кто-то, кто будет охранять плату паше Далалу от твоих грязных ручонок. – Раджа небрежно ткнул в инкрустированный рубинами сундучок в руках слуги-лааш. Амрит невольно сглотнул – за одну только крышку на подпольных рынках Ачери можно было бы выручить достаточно, чтобы скупить всех лааш Каяматпура вместе с бочками и миррой.

– К тому же с нами визирь, что носит мои цепи. Так что, трусливый погонщик, считай, что со мной ты в безопасности.

– Ваше слово – закон, о повелитель! – поклонился в ответ Амрит.

Поначалу дорога была легкой. Проточные воды разбавляли эту часть болот, так что лааш гребли беспрепятственно, лишь оседали на веслах зловонные отходы, которыми жители Каяматпура щедро удобряли реку. Тупой нос траппаги тыкался в пятна пепла на воде – редкие богачи могли позволить себе кремировать усопших. Большинство предпочитали продавать усопших родственников на невольничьем рынке. Ходили слухи, что старикам нередко «помогали» поскорее освободить тело – за дряхлый труп давали невысокую цену.

Чем дальше от города, тем гуще становилось болото. Вода прекращала течение, закручивалась в водовороты, сгребая землю, осоку и кувшинки в бесформенные комья. Мангровые заросли склоняли ветви низко над проплывавшим под ними судном, наставив свои семенадротники на непрошенных гостей. Вскоре пришлось перейти с весел на бамбуковые шесты, которыми лааш усердно толкали траппагу вперед. Раджа с визирем сидели под просторным шатром и негромко переговаривались, Галакат же, лишенный опахальщика, был вынужден отгонять от себя бесконечные рои насекомых, размахивая руками, точно танцор-кастрат.

Амрит как мог оттягивал время до нового приказа – до очередного удара. Он почти видел, как крупная муха, угнездившаяся у него на лопатке, упорно проталкивает в ранку яйца. Вылупившись, эти твари начнут прогрызать себе путь наружу, подъедая мягкую, тронутую разложением плоть. Неопытные погонщики расковыривают свои раны, пытаясь извлечь личинки, чем делают только хуже, истекают кровью и гниют заживо. Амрит твердо выучил уроки родной деревни – мухи едят лишь то, что уже не спасти.

Некстати вспомнилась масала, которую он пил с матерью в их последнее утро. Молоко в их доме было настоящей роскошью: в деревнях изгоев торговцы не появлялись, приходилось идти через каналы по шею в густой, точно нефть, грязи, взбираться на скалу Кобара, где обитали жуткие медноголовые монахи, и надеяться, что караван не застрянет или не сменит маршрут из-за толпы бесхозных.

Амрит усмехнулся, когда вспомнил, как забрался на скалу с полным мешочком кардамона, чтобы купить натх для своей Сидиси. Он прождал торговца два дня под проливным дождем, стараясь не попадаться на глаза монахам, выползавшим ночью шипеть свои молитвы в звездное небо. Когда наконец натх – дешевый, медный, с крошечным изумрудом – оказался в руках Сидиси, она долго не могла поверить своим глазам. В деревне изгоев украшение, что цепляется за крыло носа, – злая насмешка и непозволительная роскошь. В ту ночь она подарила ему любовь. А он ей – дитя...

– Эй, погонщик! – Ткнул его кулаком в спину Галакат, выдернув из воспоминаний. – Так и будешь стоять, пока твои немощные дно ищут? У паши Далала нужно быть до заката грядущего дня, пока не грянули первые дожди. Если по твоей милости мы застрянем в его гаремах, я лично раскрою тебе брюхо и зашью туда дикую кошку!

– Простите, досточтимый кшатрий, я задумался, – смиренно ответил Амрит, поклонившись. – Придется пустить лааш пешим ходом – шесты не справляются, болото слишком густое. Пора закреплять цепи.

– Так закрепляй, сучье отродье, да побыстрее – великий раджа ждать не любит!

Сам великий раджа безмятежно храпел, растекшись по подушкам. По лицу его были щедро размазаны остатки фиников, которыми лакомились крупные черные осы. Лааш-опахальщик – предшественник Амрита, – оставшись без внимания хозяина, усердно обмахивал блюдо с фруктами. Рядом на цепи дремал ракшас, оба его хвоста беспокойно хлестали воздух. Будто почувствовав на себе взгляд погонщика, асур открыл один глаз, моргнул – сначала прозрачным веком, потом обычным – и вновь погрузился в дрему.

Лааш разматывали тягловые цепи, цепляли их одним концом за крюки на бортах траппаги, другие – на кольца ошейников, после чего бесстрашно шагали в вязкие мутные воды Гандаги, чей ил кишел голодной ордой червей, болотных пиявок, рачков и слепых рыб-падальщиков. Для человека такое погружение было смертельным – зловонные омуты поглощали все, даже крики несчастных. Старый раджа – отец Хатияры – казнил своих подданных, просто изгоняя их в болота. Сам же Хатияра слишком опасался мести, поэтому всех своих недоброжелателей превращал в самоходную мебель.

Теперь движение стало не таким плавным – лааш то и дело застревали в кустах, спотыкались о корни или просто ухали с головой в какой-нибудь омут, и тогда товарищам приходилось тащить их вместе с судном. Цепи шлепали по воде, натягивались и провисали. Именно в

таких местах погонщик проходил проверку на пригодность – он должен был различать, когда идти быстрее было просто невозможно, а когда мертвецы теряли направление или забывали приказ, – и тут уж не стоило жалеть сил, и Амрит не жалел: стегал себя так, что кровь брызгала на палубу. Впрочем, тому, кто привык расставаться с плотью, бояться ран не пристало.

На ночь было решено остановиться в тихой заводи, где поменьше мошкары и от воды не так воняет гнилью. Галакат сошел на берег – влажное сплетение корней, – чтобы удостовериться, что место безопасно. Развесив меж деревьями цепи с колокольчиками, он развел дымный костер из влажных веток и благовоний, чтобы отпугнуть насекомых. Лааш-воинов, вооруженных прибитыми к запястьям катарами, он расставил по разные стороны берега. С мертвецами кшатрий управлялся отменно, похоже, учился с детства: несколько поворотов кольца в носу – и часовые, получив приказ, встали в дозор.

Амрит вывел лааш на край палубы, чтобы с них стекла грязь, и принялся за осмотр. В целом все было в порядке, только один сломал ногу, а другой где-то потерял целую кисть, благо тральщикам руки были ни к чему. Самых вымокших стоило заменить на свежих – если несколько дней подряд вести судно тралом, не меняя мертвецов, то по приезде их можно будет сразу продавать на корм. Мудрый погонщик всегда чередует лааш, не давая мацерации испортить подопечных.

Он уже начал снимать цепи с покрытых илом и водорослями трупов, когда за спиной гаркнул Галакат.

– Эй, погонщик! Тебя хочет видеть раджа!

Амрит кротко кивнул и поспешил в ярко освещенный шатер на корме. Раздвинув полог, он опустился на колени, ожидая, пока к нему обратятся.

– Повелитель, на следующем ходу этот слон лишит тебя двух колесниц, – мурлыкал ракшас, поглаживая фигурку темного золота. Та изображала свирепого зверя с целой башней лучников на спине.

– Не смей подсказывать, я знаю! – обиженно ответил Хатияра. На доске для чатуранги оставалось совсем немного фигур благородного серебряного оттенка. Раджа трепал висячий подбородок, хмурил сбритые брови и тяжело сопел. Будто невзначай он потянул натх, соединявший ноздрю и мочку уха. В ту же секунду мертвая обезьянка спрыгнула на доску, разбросав фигурки, и попыталась стянуть слона прямо из руки асура. Тот расхохотался.

– Мой повелитель, раз уж надумал мухлевать, тебе стоит научиться лучше контролировать слуг. Если бы бедняки знали, что тебе придется исхлестать себя с ног до головы, лишь бы заставить лааш вступить в бой, они бы уже поставили тебе... Шах... – ракшас подтолкнул когтем неприметную пешку в углубление доски, зажав миниатюрного человечка на троне меж двух колесниц. – и мат!

– Как так? Ты говорил, слон...

– Тебе ли не знать, мой дорогой раджа, что не стоит доверять словам демона? – прошипел визирь, после чего перевел взгляд жутких, слишком голубых и чистых глаз на Амрита. – Погонщик здесь, повелитель.

– Уже? Хорошо. Игра мне наскучила. Скажи, погонщик, ты знаешь, куда мы едем?

– К паше Далалу, повелитель.

– Верно. А знаешь ли ты, чем занимается паша Далал?

– Он – искусный укротитель асуров, повелитель.

Услышав эти слова, визирь фыркнул, точно Амрит сказал что-то смешное.

– Все, что он сделал, – это скупил всех моих собратьев, до которых смог дотянуться, уже закованными в цепи. Это они воплотили его пороки и грязные страсти в реальность...

– Вишвасагхаат говорит правду, – кивнул раджа. – Лааш – их изобретение, и без тайной власти асуров мертвое оставалось бы мертвым. Но паша Далал – отменный бальзаматор. По твоему, почему у меня – самого богатого раджи от Ачери до Брахматала – нет своего гарема?

Вопрос застал Амрита врасплох. После долгого дня работы с плетью он не рассчитывал на светские беседы. К счастью, раджа не ждал ответа.

– Я нечасто подпускаю к себе живых людей. Моего отца зарезала наложница, против дяди взбунтовалась стража, и даже моего старшего брата отравили еще до того, как он получил цепь раджи. Никому нельзя доверять. Кроме лааш. У них нет тайных мыслей, скрытых мотивов и алчных желаний. А еще их карма чиста, как воды Гандаги в каналах моего дворца. Коснувшись лааш, я не запятнаю себя скверной, которую они несли в себе при жизни, – мечтательно разглагольствовал раджа, делая вид, что не замечает, как ракшас морщится от омерзения. – Паша Далал достиг невиданных успехов в деле бальзамирования. Он научился сохранять ткани мягкими, глаза – живыми, а кожу – теплой...

– Без нас не обошлось! – рыкнул визирь.

– Это не важно. Теперь у меня есть возможность обзавестись гаремом, как и положено достойному радже. Завтра на закате паша Далал предложит мне на выбор двести девственниц. К утру из тех, кто приглянется мне, он сотворит превосходных, неотличимых от живых лааш. Говорят, он может снабдить им заветное место язычками, или сшить шестирукую наложницу...

Пристрастия раджи не были новостью для Амрита – он прекрасно знал, кто скупает трупы девушек из бедных кварталов.

– Ты не понимаешь, к чему я веду этот разговор?

– Нет, повелитель.

– Забудь. Лучше скажи, та, брюхатая из твоих, была сегодня в цепях?

– Да, повелитель... Ей надо высохнуть...

– Посмотри мне в глаза! – вдруг рыкнул визирь, и Амрит машинально вперился в холодно поблескивающие алмазы на тигриной морде. Ракшас моргнул и прошипел злорадно:

– Он лжет, повелитель.

– Вот как? – Ноздри раджи на секунду яростно раздулись, после чего он благодушно откинулся на подушки. – Небось, сам хотел провести с ней вечер? Признавайся!

– Нет, повелитель. – Сжатые кулаки Амрита дрожали, пришлось спрятать их за спину.

– Давай же, ответь. Ты уже возлежал с ней?

– Нет, повелитель.

– Ложь, – раздалось шипение. Раджа расхохотался.

– Дважды! Дважды ты соврал мне! – Происходящее явно веселило Хатияру. – Знаешь, не будь ты единственным погонщиком на судне – я бы уже заковал тебя в цепи к остальным, но сегодня, Амрит, считай, что я дарю тебе вторую жизнь. Не гневи меня больше – ступай и приведи ее.

– Не возражаешь, повелитель, если и я выйду на воздух? – с просящей интонацией промурлыкал асур.

– А что? Тебе не нравятся такие зрелища? Я слышал, при дворе Ямы, у тебя на родине, мертвые совокупляются с мертвыми, пока асуры поедают их плоть и отгрыгивают, чтобы пожрать снова...

– Те, кто перешли грань бытия и попали в наши охотничьи уголья, сами выбрали такую судьбу, погрязнув в излишествах и грехе. Те же, кто заперты в телах лааш, ничего не выбирали – они заключены в гниющие тела против воли, лишены сознания, но способные чувствовать все. Когда ты, повелитель, развлекаешься с ними, я слышу безмолвные крики их душ...

Раджа вдруг посерьезнел и натянул цепь так, что демон был вынужден улечься у его ног, словно домашняя кошка. Ошейник и кандалы на ракшасе налились багровым светом, запахло паленой шерстью.

– Ты понимаешь, что в моей власти заставить тебя смотреть?

– Все в твоей власти, повелитель! – задушенно прохрипел асур.

– Тогда ты будешь смотреть. И не смей на меня рычать – помни, что из живущих лишь я могу снять твои цепи! Погонщик, ты еще здесь? Я жду!

Амрит поклонился и, пятась, вышел из шатра. С тяжелым сердцем он открыл бочку с беременной лааш, которой уже никогда не суждено разродиться. Погонщик привычно осмотрел труп – ни повреждений, ни признаков разложения. Женщина казалась почти живой. Поправив ей маску, Амрит взял лааш за локоть и повел к шатру.

Увидев раскрасневшегося от вожделения раджу, что в окружении чадающих ароматических палочек теребил свои вялые гениталии, погонщик едва сдержал тошноту.

– Только не снимайте маску. Вам... не понравится.

– Я сам решу... Ну-ка, иди сюда!

Вопреки сказанному, раджа вскочил сам и принялся наминать полные груди трупа, перебирая свои яички другой рукой. Амрит был уже у выхода, когда Хатияра бросил:

– Погонщик! Ничего не забыл?

Со вздохом Амрит снял с пояса плеть, расплел один из хвостов, достал крошечный изумруд и протянул радже.

– Так-то лучше. А то вдруг эта тварь по твоему приказу задушит меня во сне! – С усмешкой принял Хатияра «сердце» лааш – предмет, что позволял владельцу диктовать свою волю мертвецу. – И помни, завтра на закате мы должны быть у паши Далала.

– Да, повелитель.

Утренний туман стелился над болотами Тикатик, скрывая густую жижу от глаз погонщика. Здесь полегло много людей. Государи окрестных земель делили эти воды, обильно восполняя их кровью солдат и плотью лааш, разбойники устраивали засады, подкарауливали караваны, деревенские отправляли сюда детей, которых не могли прокормить, а медноголовые монахи приходили в эти земли за свежими человеческими глазами, чтобы читать священные скрижали.

Но сегодня воды Тикатик были спокойны. Лишь звон мошкары и скрип траппаги нарушали тишину. Из шатра вышел раджа, голый, весь покрытый хитрой вязью игл, колец и цепей – атрибутами власти. Он зевая что-то скомандовал Галакату, тот кивнул и дернул себя за кольцо в носу. Воины-лааш устремились в шатер. Донеслось возмущенное:

– Не здесь!

Шестеро гвардейцев вытащили из шатра растерзанный труп – живот разошелся надвое, высушенные кишки разметались по доскам палубы, что-то откатилось в сторону с гулким стуком и распалось на куски. Одним мощным ударом раджа раздавил младенческую голову.

– Надеюсь, лааш паши Далала будут крепче! – усмехнулся Хатияра, выразительно взглянув на телохранителя. Тот пожал плечами, после чего скомандовал:

– Можно!

Дважды уговаривать не пришлось. Гвардейцы, как дикие звери, набросились на труп и принялись откусывать от него, как от куска хлеба. Амрит отвернулся и, пожалуй, в первый раз в жизни порадовался, что вынужден скрывать лицо бинтами.

Покинув заводь, судно набрало скорость – здесь Гандага расширялась, на пути тральщиков встречалось меньше препятствий. Траппага прилично разогналась. Амрит всматривался в горизонт, теребя хвосты плети.

Неожиданно впереди началось какое-то бурление, пошли круги по воде, на которой лениво покачивались ряска и кувшинки. Всплыл один череп, поодаль – второй. Следом вся поверхность покрылась торчащими из воды головами. Пустые глазницы слепо пялились в сто-

рону траппаги. Погонщик наотмашь рубанул себя плетью по плечу, и послушные лааш встали как вкопанные, уперлись руками в борта посуды. Та затормозила так резко, что нос накрепился и по доскам палубы побежали тонкие ручейки.

От послеобеденного сна очнулся раджа, закричал, точно гигантский младенец.

– Ты что вытворяешь? Почему мы остановились? – За этими словами незамедлительно последовала пощечина. Рука Галаката запуталась в бинтах на лице погонщика, и он брезгливо стряхнул их. Амрит поспешил закрыть лицо, но кшатрий успел увидеть щеку и место, где когда-то был нос. – Мерзость!

– В чем дело, погонщик? Ты разбудил меня! – капризно укорял раджа. – Тоже захотел сменить плеть на опахало?

– Бесхозные, повелитель, – сообщил Амрит. – Здесь их сотни. Нам повезло вовремя их заметить.

– Должно быть, слуги вашего покойного дяди, раджи Пури из Дангай, – предположил визирь. – Они шли выше по течению, но, похоже, в сезон дождей их снесло сюда.

– Бедный дядя Пури... Его собственный народ взбунтовался против него. Какая низость! – возмущенно воскликнул Хатияра. – Вот почему доверять можно только мертвым.

– Возможно, он сейчас среди них, – оживился ракшас. – Знаешь, как он умер? Его заколотили в две лодки, чтобы только голова торчала наружу, а после – накормили смесью из меда и молока, чтобы он опростался из всех отверстий, и спустили вниз по реке. В его кишках набухали и росли черви, насекомые подтачивали его кожу изо дня в день своими маленькими челюстями, мухи откладывали яйца в его уши, птицы клевали его глаза... А стоило всего лишь не отбирать последние запасы у крестьян для ежегодного пиршества.

– Вишва! Я не нуждаюсь сейчас в твоих нотациях! Лучше скажи, что нам делать дальше.

– Прости, раджа, я лишь скромный визирь и забочусь о тебе и твоих подданных...

– Не ходи вокруг да около! Ты можешь подчинить их мне?

– Сотни бесхозных? – Тигриная морда ухмыльнулась. – Один из моих братьев когда-то воскресил всех этих лааш и подарил их волю твоему дяде... Я могу передать ее тебе, но ты не выдержишь – они разорвут твой разум на мелкие клочки, а чтобы направить их, тебе придется снять с себя кожу и облиться кипятком...

– Прекрати! – плаксивым тоном приказал раджа. – Что нам делать дальше?

– Повелитель, – позволил себе вмешаться Амрит, видя, как выпучились глаза кшатрия, – он нарушал все рамки этикета, – Если позволите... Есть другой путь. Он дольше, но поможет обойти толпу. Надо свернуть у запруды, выйти к каналу, что ведет мимо скалы Кобара, а оттуда рукой подать до Браштахара.

– Ты спятил, погонщик?! – Задохнулся от возмущения телохранитель. – Если тебе жизнь не дорога – прыгай в воду сам! Повелитель, послушай! Стоит подобраться к бесхозным, как они снимутся с места и будут преследовать нас до самого дворца! Лучше вернуться и нанять укротителей...

– Он говорит правду, – прошипел ракшас. – Однако... Как близко этот канал, погонщик? Если недалеко, ровно настолько, чтобы вы, живые, сдерживали дыхание, я мог бы отвлечь лааш. Если, конечно, повелитель согласится.

– Всего три караммы, раджа! – Амрит не обращал внимания ни на визиря, ни на Галаката, а смотрел лишь на Хатияру. Распаленная вчерашним вечером похоть в сердце раджи боролась с презренным шакальным страхом. Задумавшись, он капризно выпячивал нижнюю губу и натужно кричал. Наконец раджа сделал выбор.

– Хорошо, погонщик. Я хочу быть у паши до заката. Риск не так уж велик, верно, Вишва?

– Лааш не угрожают тебе, мой повелитель! – мурлыкнул асур, расправляя плечи и выпрямляясь во весь рост. Руки бугрились мышцами, сквозь густую шерсть на груди просвечивали черные шрамы, хвосты яростно хлестали по палубе в предвкушении схватки.

– Это безумие! – Пучил глаза Галакат, но спорить с раджей не решался.

– Все вы, – бросил за спину ракшас, встав на киль траппаги. – Когда я сойду с носа – задержите дыхание и не вздумайте пошевелиться, пока не свернете в канал. Погонщик!

– Да, мудрый визирь?

– Хлестни себя изо всех сил... и постарайся не заорать.

Размахнувшись, Амрит направил плетъ высоко вверх, после чего увел ее вбок и вниз. Свистнули утяжеленные бусинами хвосты, а следом сознание погонщика наполнила боль. Мир потерял краски, разделился на черное и белое, распался на тридцать осколков – по одному на каждый глаз лааш, что стояли по шею в болотной воде. Приказ был прост и безрассуден – на прорыв к каналу изо всех сил.

В ушах звенело, спина сочилась кровью. За пеленой слез Амрит видел ракшаса – тот прыгнул с киля и, едва коснувшись хвостами воды, перемахнул на кочку, с нее – на торчащий корень, а потом на крошечный, с поднос размером, островок. За ним от руки Хатияры тянулась бесконечно длинная цепь – звенья возникали будто из воздуха. Из воды вслед за черно-белой молнией тянулись серые тонкие руки, похожие издали на скопления трупных червей.

Погонщик набрал полные легкие воздуха, оглянулся – раджа уже был красный, как киноварь, глаза выпучены от натуги; долго не протянет. Тральщики привели судно в движение, траппага лениво набирала скорость.

Ракшас тем временем отражал натиск бесхозных. Те наступали волнами – покрытые илом и тиной, с выеденными глазами и распахнутыми пастями, они накатывали по десять-пятнадцать тел, заставляя визиря пятиться. На спину ему запрыгнула серая тень – обвисшие груди, длинные волосы, черный пучок между ног. Мертвая рабыня вцепилась зубами в мягкое ухо ракшаса, тот взревел и принялся с еще большим остервенением размахивать всеми пятью руками, вспарывая животы, проламывая головы и расшвыривая напирających лааш, но безуспешно – визирь скрылся под неровной серой массой.

Траппага медленно подбиралась к повороту, скрытому от глаз зарослями. Лааш старательно тянули судно, первый из них уже плюхнулся в чистый поток за толстым бревном, как вдруг островок под ракшасом сперва накренился, а после – ухнул под воду вместе с грудой мертвецов и визирем.

– Вишвасагхаат, ты куда? – глупо выкрикнул раджа, точно не верил в уязвимость своего слуги. Лишь мгновение спустя он запоздало заметил, как орды лааш, пробиравшиеся к добыче, вдруг замерли и медленно повернулись на голос. Осознав, что натворил, Хатияра истошно завизжал:

– Гони, гони!

Выдернув из рук погонщика плетъ, он сам свесился с киля и принялся стегать лааш.

– Шевелитесь, твари ленивые!

– Плетъ, повелитель! Они слушаются меня, а не вас! – Опомнившись, Амрит протянул руку за инструментом, но побоялся притронуться к радже. На корму уже лезли мертвецы.

– Галакат! – взвизгнул раджа, пятась к борту. Телохранилитель среагировал быстро – перво-наперво дернул кольцо, уже покрытое запекшейся кровавой коркой. Мгновение назад стоявшие безучастно воины выстроились в ряд, отгородив живых от голодной орды, что подобно болотной воде хлынула на палубу. Катары свистели в воздухе, отсекая конечности бесхозных, из-за спин солдат хлестал уруми кшатрия – плетъ из тонких листов стали снимала пласты гниющей плоти.

Траппага нехотя ползла к безопасным водам, но было уже поздно – бесхозные напирали, ползли по висящим над водой корням деревьев, шли по дну, падали с ветвей на палубу, точно перезрелые фрукты.

– Повелитель, по воде не уйти! – прошептал Амрит, наклонившись к уху раджи.

– И что делать? – Обезумев от страха, раджа едва ли был способен сообразать.

– Повелитель, я снарядил ваш паланкин моими самыми быстроногими лааш. По берегу мы сможем оторваться!

– Нет, я не могу... – Хатияра недоверчиво оглянулся – туда, где Галакат из последних сил сдерживал напор черно-серой зловонной массы. – Ты знаешь, сколько лежит в сундуке?

– Вряд ли больше, чем стоит ваша жизнь, повелитель, – заметил Амрит, чьи лааш уже перебросили трап на узкую травяную косу, ведущую к берегу.

Хатияра колебался недолго. Едва он взгромоздился на подушки, как свистнула плеть и носильщики проворно понесли тушу раджи в густые заросли.

– Раджа! Не оставляйте меня! – Галакат не вовремя оглянулся на уходящий паланкин, и это стало его ошибкой – один из лааш перевалился через плечи солдат и вонзил лишённые плоти пальцы в глазницы кшатрия. Сначала раздалось чавканье, а следом – дикий нечеловеческий визг.

– Не смотрите, повелитель! – Амрит бежал рядом с паланкином, то и дело подхлестывая себя и задавая направление носильщикам. – Это его долг.

Оставив позади трапагу с мертвецами, погонщик и раджа поспешили затеряться в джунглях.

– Долго еще идти, погонщик? – капризно вопрошал раджа. – Я устал, голоден, а эти слепни скоро съедят меня живьем.

Толстяк и правда весь был покрыт красными пятнами от укусов. Путь через густой, увитый лианами и наполненный жужжащими насекомыми лес давался ему тяжело. Амрит же, наоборот, будто воспрянул духом, шагал легко и непринужденно, даже что-то насвистывал.

– Уже недалеко, повелитель! Разве ты не узнаешь эти места?

– Что ты несешь, откуда?

– Неудивительно, что ты не помнишь, раджа, – теперь в речи погонщика появились странные, наглые и злобные нотки, отчего Хатияре стало не по себе. – Прошло одиннадцать лет, любой мог забыть. Разве стоит деревенька изгоев внимания великих правителей, таких как ты и твой отец?

– Как смеешь ты хамить мне? Останови паланкин сейчас же! – Раджа беспокойно заерзал. – Я хочу есть и пить!

– Осталось совсем немного, повелитель. Позволь мне развлечь тебя историей.

– Я не хочу никакой истории, я хочу вина и сластей! Останови их сейчас же! – Хатияра попытался спустить ногу с паланкина, но ближайший лааш хищно щелкнул зубами совсем рядом с пяткой. – Что происходит?

– Я вырос в маленькой деревеньке, – ровно начал погонщик, словно не заметив возражений. – Многие из нас были друг другу родней, и за это боги нас покарали – наши тела гнили заживо, совсем как у лааш. – Амрит с наслаждением разматывал бинты на лице, демонстрируя уродливые наросты и розовую дырку на месте носа.

– Ты – неприкасаемый! – с суеверным ужасом прошептал Хатияра. – Изгой! Я разговаривал с тобой! Ходил с тобой на одном судне! Какая мерзость!

– Не волнуйтесь, повелитель, я не заразен. Кто-то сказал бы, что наша жизнь хуже смерти, но и в ней мы находили свое счастье. Когда-то я тоже нашел свое. Ее звали Сидиси. Она была особенная... Нашего сына мы хотели назвать Сундар.

– Иди ты под хвост к Яме! – вскричал раджа. – Я слезаю!

Тонко взвизгнула плеть, оставив длинный багровый рубец на лице правителя Каяматпура, и тот, заскулив, постарался забиться как можно глубже в подушки.

– Мы выбрали имя Сундар, – как ни в чем не бывало продолжил погонщик, – но судьба распорядилась иначе. В нашу деревню явился ракшас. Он был изранен, ослаблен. Капли его черной крови падали и превращались в ядовитых змей. А следом явилась охота во главе с твоим отцом. Ты тоже был там – этакий бурдюк на лошади. Я тогда подумал, что никогда не видел таких толстых людей.

Раджа что-то обиженно хрюкнул, но побоялся ответить – след от плети до сих пор горел огнем.

– Ракшас рассказал мне, как все будет.

Неожиданно деревья расступились, и перед путниками раскинулась узкая заболоченная долина. Опустевшие хижинки с провалившимися крышами медленно сползали во влажный овраг, раскинувшийся посередине.

– Он знал, что загнал себя в ловушку – эта долина окружена неприступными скалами. Ракшас понимал, что его схватят, поэтому поведал мне будущее. Как, заковав его в цепи, вельможи и укротители будут праздновать победу над асуром. Как будут пытать и издеваться над изгоями. Как молодой раджа возжелает юную неприкасаемую и натравит лааш на всех, кто попытается вмешаться. Он не хотел ее брать живой – боялся запятнать свою карму скверной, а потому – сначала приказал удушить неприкасаемую и лишь затем возлег с ее еще теплым телом. И ракшас предложил мне сделку. Все, что я мог делать тогда, – это стоять и смотреть, как сначала ты, повелитель, а потом и солдаты из свиты твоего отца надругались над беременной Сидиси, в чьем мертвом чреве доживал последние секунды мой нерожденный Сундар... Но ракшас обещал, что я стану лучшим погонщиком Каяматпура. Обещал, что мои лааш будут самыми послушными и крепкими от Ачери до Пустынных земель. Что смогу оплатить наложицу-убийцу для твоего отца, подкупить поваров, что отравят еду твоего брата. Лишь ты, оградившись толпами мертвецов, оставался недосыгаемым. Но ракшас обещал, что однажды ты, раджа, обратишься ко мне с заказом... Ракшас обещал мне месть.

Последние несколько шагов мертвецы преодолели едва ли не бегом, резко затормозив у самой лужи в центре покинутого селения. Лааш наклонили паланкин вперед, швырнули груз в грязный овраг, и правитель Каяматпура шлепнулся в черную затхлую воду. Почти синхронно мертвецы размотали бинты на лицах – под маской каждого прятались наросты, поглотившие надбровные дуги, губы и нос – точно такие же, как у Амрита.

– Они... изгой! – хрипел раджа, отплевываясь.

– Да, раджа, они тоже. Я забальзамировал свою семью, а ракшас научил меня, как их воскресить. Всех, кто погиб от твоей руки. Я хранил их тела ради этого дня – чтобы они тоже увидели, чем все кончится. Сидиси... По твоей милости она присутствовать не смогла.

– Что? Что изгой мог предложить ракшасу?

– Свободу, – промурлыкало откуда-то сверху. Асур изящно спрыгнул со скалы, приземлившись в шаге от края оврага.

– Ты! – Удивленно ткнул пальцем раджа. – Где твои цепи? Ты не мог сам... Тебя утащили бесхозные!

– Бесхозные? Ошибаешься, раджа, – ухмыльнулся Амрит, демонстрируя пузырящиеся десны. – У них был хозяин. Тот самый, что приказал перегородить дорогу, снять цепи с ракшаса и убить твоего телохранителя.

– Но как ты...

– Злая насмешка мироздания – ракшасы обладают бесконечным могуществом, но сами им воспользоваться не способны. Я не врал, повелитель! Он действительно лучший погонщик! – расхохотался Вишва.

– Я не понима...

Голос раджи превратился в натужное сипение. Хвосты плети врезались под висячий подбородок – куда-то, где должна была находиться шея. Глаза Хатияры лезли из орбит, он пытался

ухватиться за удавку, но сознание покидало его. Лицо посинело, язык вывалился, плеть про-резала кожу, проступили рубиновые капли.

Убедившись, что раджа мертв, Амрит отпустил концы плети и туша тяжело плюхнулась в лужу.

– И это была твоя месть, изгой? – поинтересовался ракшас, – Как неизобретательно.

– Еще нет. Я слышал, у воскрешенных душа остается внутри тела и гниет вместе с ними.

Это так, ракшас?

– А я тебя недооценил...

Глаза асура сверкнули, на мгновение его тело стало прозрачным, похожим на клочок утреннего тумана, запахло дождем и серой – ракшас погрузился в загробный мир за душой Хатияры. А потом все стало прежним. Вишва почти нежно коснулся затылка бывшего хозяина, и тот завозился, захрипел в луже, как большой жук.

Труп встал на ноги, его глаза разъезжались в разные стороны. Амрит мстительно вырвал кольцо из соска раджи и наскоро повязал его на плеть.

– Теперь все? – спросил ракшас, облизываясь.

– Вот теперь – все! – кивнул погонщик, усаживаясь на широкие плечи бывшего правителя Каяматпура. Привычно свистнула плеть.

Евгений Абрамович Теплые

На холмах горели костры, ярко освещая полярную ночь. Вокруг костров плясали шаманы, дошедшие до беспамьяства, разодетые в шкуры и маски, украшенные перьями и костями птиц. Воины стояли сплошной стеной, плечом к плечу, притаптывали снег в такт шаманским песням и напряженно вглядывались в кромешную снежно-ледяную тьму, где были видны темные медленно бредущие фигуры.

Впервые в своей долгой жизни великан испытывал страх. Впервые видел, чтобы люди шли против его воли. Впервые кто-то из теплых бросил ему вызов. Великан яростно ревел, и рев его отдавался метелью и стужей. От его ледяного дыхания вставали мертвецы в запретных капищах, куда приносили своих мертвых верные великану племена. Теперь они шли вперед, намереваясь сокрушить мятежников. Разорвать теплые тела и принести в дар хозяину теплую человеческую кровь. Стылая плоть мертвых людей вмерзнет в великана, сделает его сильнее и больше. Но это потом, а пока нужно разделаться с этими мерзкими и жалкими тревожащими его глупцами.

За спиной великана камлали верные ему шаманы. В их ритуалах не было ни огня, ни жизни. Они звенели костяными доспехами, били в бубны, обтянутые человеческой кожей, свистели и выли священные песни. Песни смерти и холода. Их голоса, вырываясь сквозь трещины в масках из оленьих и медвежьих черепов, усиливали бурю. Перед битвой шаманы принесли в жертву дюжину оленей и столько же лучших воинов из числа людей. Они гадали на их внутренностях и костях, предвкушая победу. Но увиденное вселило в них ужас. Принесенные в жертву вставали и шли вперед, наделенные вечной жизнью и волей хозяина. В один ряд с мертвыми людьми вставали олени и медведи, месили снег лапами и копытами, жаждая крови.

Все началось, когда пришел могучий Омогой Бай, великий воин и охотник, прародитель якутов. Он явился с далекого юга, и в груди его пылало горячее живое сердце. Свободные люди, еще неподвластные великану, услышали слова Омогой Бая и пошли за ним на битву. Слишком долго их тела терзал мертвенный холод, а души – страх перед ледяным чудовищем. Они стояли на холмах плечом к плечу, освещенные светом костров, глядя вниз, где двигалось на них мертвое войско.

На битву ушли лучшие. Оставшиеся в юртах плакали, желая пойти с ними. Даже малые дети и дряхлые старики хотели стоять вместе с отцами, братьями, сыновьями и внуками. Но кто-то должен был защитить женщин и стада. На случай, если погаснут костры.

Омогой Бай стоял впереди, держа в руке длинное тяжелое копьё. На его широких плечах лежали крепкие руки воинов. В душе героя не было страха, только решимость, подкрепленная смелостью и яростью друзей и соратников. Тех, что стояли за ним, притоптывая от нетерпения в такт шаманским песнопениям. Костры за их спинами вспыхнули сильнее, подбросив в высоту снопы искр. Шаманы взвыли. Огонь ожил, вошел в людей вместе с дыханием, заполнив их легкие и нутро. Перетек цепочкой от человека к человеку, от души к душе, сосредоточился в руках Омогой Бая. Копье вспыхнуло, охваченное пламенем, будто человек держал в руках хвост небесного сияния. Огонь не жег пальцы, только давал свет и силу.

Ярость переполняла свободных людей. Они закричали и бросились с холмов в сердце мертвой стужи. Будто солнце сошло на землю, и теперь один из его лучей неся вперед, растапливая снег и прорезая тьму. Идущие мертвецы вспыхивали как свечи, оседая на землю горками обожженных костей. Верные великану живые воины бросались бежать. Иные, обезумев от страха, скидывали шкуры и вспарывали себе животы, в муках падая замертво на красный снег. Тут же вставали, шли вперед, волоча за собой внутренности, и сгорали в очищающем жарком пламени.

Впервые великан отступил, завывая в ужасе. Огненное копьё Омогой Бая с размаху вонзилось в твердую ледяную плоть, растапливая ее, обращая в кипящую воду и горячий пар, обнажая гигантские окаменевшие кости. Перед смертью великан исторг вопль боли, услышанный даже в самых дальних юртах на окраине теплых земель. От этого крика старики умирали во сне, младенцы визжали от страха в утробах матерей, в грудях которых скисало молоко.

Когда исполинские кости рухнули на землю, мертвецы тоже упали и больше не поднялись. Воины-победители вернулись к своим женщинам и детям. Место битвы было объявлено заповедным. Только уцелевшие шаманы, служители смерти и холода, в трепетном ужасе приходили к поверженным останкам своего господина. Наносили на древние кости письма, складывающиеся в его имя.

В имени, слишком длинном для человеческого уха и разума, хранилась сила великана. Его душа, его жизнь и знания.

Смена закончилась. Заключенные привычно и без суеты строились у чернеющего входа в штольню. Сначала – те бригады, которые занимались укреплением стенок тоннелей. К ним подтянулись остальные. Последними на построении появились рабочие с дальних уровней выработки, уставшие и измученные, – те, кто пробивал промерзшую закаменевшую породу. Началась переключка. Конвоир зачитывал список фамилий заключенных первой роты. Сто девятнадцать человек. Валящимся с ног от усталости людям переключка казалась бесконечной. После ее окончания арестанты продолжали стоять на месте. Начальник конвоя о чем-то увлеченно разговаривал с геологом, присланным, по слухам, из Якутска. Геолог был молод и красив, с густой рыжей бородой, высокий и откормленный, раздумывавшийся на морозе. Для местных обитателей он выглядел существом из другого мира, пришельцем, неведомым образом оказавшимся в здешней юдоли. Он долго говорил с начальником конвоя, наконец тот сказал что-то веселое, оба громко рассмеялись. Геолог хлопнул собеседника по плечу и направился к проходной прииска. Идя мимо строя, он неожиданно вскинул руку в прощальном жесте и громко обратился к заключенным:

– Крепитесь, мужики! Скоро весна!

Из строя никто не ответил.

– Хорошо тебе говорить, – только буркнул еле слышно одинокий голос, – улетишь завтра в свой Якутск...

Начальник конвоя вышел вперед и прогремел хорошо поставленным звучным голосом:

– Напра-а-а-во!

Зэки беспрекословно подчинились.

– Шагом арш!

Строй двинулся вперед. Сотни ног в валенках ступали по утопанному снегу, который звонко скрипел под ними. Где-то в середине колонны едва перебирал ногами двадцатилетний Митя Чибисов, бывший московский студент-лингвист.

Митя прибыл этапом прошлым летом, переживал свою первую лагерную зиму и только что закончил очередной трудовой день. В лагере его ждет холодный барак, скудный ужин, очередное построение с перекличкой и пять часов тревожного беспокойного сна. Ранним утром все начнется по новой. Снова прииск, снова темные тоннели, снова таскать эти неподъемные тачки с породой. Нет, никогда ему не удастся отработать положенную норму за смену. Пятьдесят тачек, ужас. Кто только эти нормы сочиняет? Для кого? От одной тачки руки отваливаются. Никак не привыкнет хлипкое тело интеллигента к бесконечной изнуряющей работе.

И морозы. Постоянные и неослабевающие. Как будто и не было никогда тепла и солнца. Митя оказался в лагере в конце июля. Через неделю после этого пошел первый снег. С тех пор холод, казалось, забрался в каждую клеточку Митино тела, надежно поселился там, объявил себя хозяином. Не спасали ни валенки, ни ватные штаны с телогрейкой. Уже почти месяц столбик термометра на входе в барак редко поднимался выше сорока. Последнюю неделю вообще держались уверенные минус пятьдесят. Точную температуру установить было невозможно, деления термометра заканчивались на пятидесяти. Даже старые лагерники не могли припомнить таких сильных морозов в это время года. А ведь начало марта, весна. Пускай климат здесь не тот, что в Москве, но весна же, весна. Будет, мысленно успокаивал себя Митя, будет тепло. От мороза воздух казался плотным, густым, почти осязаемым, потрогать можно. Злобно кусал лицо, забирался под одежду, с каждым вдохом проникал в тело, оседал там, глубоко внутри.

Навстречу шла смена. Вторая рота из соседнего барака. Конвоиры приветственно окрикали друг друга. Зэки взглядами выхватывали из толпы знакомые лица, кивали. Мите хотелось набрать в грудь воздуха, крикнуть что есть мочи: «Крепитесь, мужики! Скоро весна!» Не для кого-то, для себя самого. Но не мог, боялся конвоиров. Да и смысл? Надежда? Кому она нужна... Глупое слово. Особенно здесь. Глупое и бессмысленное.

Месторождение алмазов открыли здесь еще до войны. Но прииск появился только в сорок седьмом. Рядом возник лагерь под скромным и безликим названием «Тундра-12». В километре расположился рабочий поселок с маленьким аэродромом. Там жили геологи, инженеры, снабженцы и наемные рабочие. Свободные, вольные люди.

Сам лагерь был небольшим. Всего лишь несколько строений, обнесенных забором из колючей проволоки с вышками и прожекторами. Три длинных барака, маленький домик администрации, казарма для конвоя, кухня и лазарет. Заключенных делили на три роты, каждая из которых располагалась в отдельном бараке, сменяя друг друга в работах на прииске. Солнце, которое не появлялось зимой и не садилось за горизонт летом, стерло привычные понятия дня и ночи. Каждая рота работала и отдыхала в специально отведенные для нее часы. Барак первой роты называли «Германией». После войны здесь держали пленных немцев. Именно они построили лагерь и поселок, начали работы на прииске. В пятидесятом, после очередных переговоров с новым германским правительством, всех немцев отправили домой. Теперь стены «Германии» пестрели надписями на немецком. Бывшие обитатели оставили после себя память. Время от времени лагерники просили Митю перевести надписи. Ему было это приятно: кто-то интересовался им и его знаниями. Немецкий он знал практически идеально.

Рихард Лейбе. Тридцатый пехотный полк. 12.11.48.

Вальтер Шнаас. Дрезден – Минск – Смоленск – Ржев – Псков – Сибирь – ?

Лейтенант Рудольф Харманн. Выжил в Сталинграде, выживу и здесь.

И много чего еще. Факты биографий, ругательства и пошлые шутки, анекдоты и отрывки из песен, послания далеким друзьям и родным. Даже стихи. Митя, затаив дыхание, часто ходил

от стены к стене, в полутьме барака выискивая все новые и новые надписи. Поверх немецких слов и рядом с ними добавлялись фразы на русском и других языках. Митя вычитывал их с азартом золотоискателя. Несмотря на истощенное работами и недоеданием тело, пытливый ум не хотел сдаваться. Требовал нагрузки. Здесь не было ни книг, ни даже газет. Только транспаранты на лагерных воротах да скудная летопись, оставленная заключенными на стенах бараков. В редкие минуты духовного подъема Митя в сокровенных, даже стыдных для самого себя мечтах размышлял, как после освобождения он обязательно напишет книгу с каким-нибудь романтическим названием. Например, «Письма лагерных стен». Красиво. Нечего здесь стыдиться. Что тут такого? Ну, было и было, даже Ленин в царских тюрьмах сидел. Мысли эти заводили его очень далеко. Вот он видит, как приходит к нему следователь из Лефортовской тюрьмы, который вел его дело. Валяется в ногах, просит прощения за крики и побои. Митя его, конечно же, великодушно прощает. Представлял, как отомстит подхалиму-старосте, секретарю комсомола, который наверняка и сдал весь их подпольный кружок эсперантистов. Гад, стукач, предатель чертов. Нет, его-то он не простит никогда. Митя видел себя стареющим профессором, который получает очередную премию, а может, даже Героя Труда. Эх, мечты, обреченно думал Митя, что же вы со мной делаете? Неужели не понимаете, что все бессмысленно? Глупо. Так же, как и надежда.

Дежурные разожгли огонь в пузатой металлической печке в центре барака. Заключенные расселись вокруг. Они устроились тесно, плечом к плечу, на самодельных табуретках, ящиках, ближних нарах. Кто-то – прямо на полу. Разносчики еды принесли из кухни два больших чана. Один с горячей баландой, другой с кипятком, в котором растворили жженный сахар, превратив его в подобие чая. Отдельно каждому заключенному наливали по полстакана разбавленного водой лимонного сока в качестве средства от цинги. Застучали ложки по алюминиевым мискам. Прием пищи был одним из немногих приятных и спокойных событий в лагере. Каждый хотел растянуть его подольше. Места возле печки всем не хватало, время от времени передние ряды пересаживались назад, давая возможность другим подойти ближе, согреться. Большой барак при отсутствии людей промерзал насквозь, и даже когда железные бока печки раскалялись добела, внутри все равно было холодно.

Митя ел медленно. Его трясло. Руки дрожали так, что с трудом удерживали ложку. Баланда проливалась, обжигая губы, на подбородок и грудь ватника.

– Совсем ты плох, студент, – услышал он над ухом знакомый голос.

Повернув голову, Митя увидел возле себя Сергея Трибунова, бригадира роты и старосту барака. Немолодой уже мужик, крепкий и жилистый, как морской канат.

– Хо... хол... – заикаясь, еле выговорил Митя, – холодно.

Зубы стучали так, что он боялся прикусить язык.

– Привыкнешь, – спокойно сказал Трибунов, – первая зима – она самая страшная. Ты вообще за что здесь?

Митя уже, наверное, сотню раз рассказывал свою историю и сомневался, что староста ее не слышал. Еще в Москве, в следственной тюрьме, сокамерники предупреждали: поменьше болтай. Среди других заключенных могут быть провокаторы и стукачи. Мол, наболтаешь всякого – новых статей навесят. Там Митя, запуганный и нервный, разговаривал только со следователем, но здесь уже не видел смысла молчать. Даже если бригадир пытается вытянуть из него информацию, что с того? Что они с ним сделают? Дальше ссылать некуда. А захотят расстрелять, так и черт с ним.

– У нас при факультете был кружок по изучению эсперанто¹, – сказал наконец Митя. – Нелегальный, конечно...

¹ *Эсперанто* – искусственный язык. В 20-е годы в СССР распространялся с подачи Л. Д. Троцкого как язык «мировой революции» и будущего международного общения. В 30-е годы носители эсперанто подверглись репрессиям как «троцкисты»,

– Эсперанто? – спросил Трибунов. – Так ты троцкист²? Шпион?

Митя собирался было возразить, но настолько устал от всего, что уже не мог и не хотел спорить. Староста своим вопросом о шпионаже напомнил ему следователя, что окончательно добило бывшего студента.

– Ну да, – покорно согласился он. – Вроде того... шпион...

Трибунов больше ничего не спрашивал. Молча пил сладкий коричневатый кипяток из жестяной кружки и смотрел куда-то перед собой. Это почему-то обидело Митю. Своим неожиданным разговором староста заставил его признаться в несуществующем преступлении.

– Вы не понимаете, – снова подал голос Митя, – никто не хочет понимать. Эсперанто – это интереснейший эксперимент. Попытка создать язык международного общения, полностью основанная на энтузиазме и бескорыстном желании людей. Сейчас глобальными языками можно назвать английский и русский. Но англичане используют свой язык как средство порабощения и эксплуатации народов, в силу своих империалистических замыслов и колониальных интересов, а русский язык, даже как носитель социалистических идей, довольно сложен для изучения, например, представителями...

– На кой ты мне это говоришь? – прервал Трибунов. – Контра – она контра и есть.

Этот простой вывод разозлил Митю.

– Я не контра! – громко ответил он. На голос стали оборачиваться другие зэка, и Митя добавил более спокойно: – Мой папа против Колчака воевал!

– Так то папа, – сказал Трибунов. – Ты-то здесь при чем?

– Я не контра, – тихо повторил Митя. – Сами-то вы здесь за что? У вас же тоже пятьдесят восьмая статья³ насколько я знаю.

Трибунов немного помолчал.

– За стихи.

– Как это?

– Я, студент, – капитан Красной Армии. В тридцать девятом воевал на Халхин-Голе. У убитого японского офицера нашел я как-то записную книжку. Что-то он в нее заносил, значит. Я подумал, может, там какие разведданные или что. Показал переводчику нашему. Он говорит: стихи, даже перевел мне несколько. А они, знаешь, красивые такие, душевные. Про природу там, про родину, про женщин ихних, японских. В общем, понравилось мне, попросил целиком перевести. Таскал эту книжку с собой везде. Как талисман она была у меня. А в сорок втором, летом, значит, мы от Харькова драпали. Гляжу я на бойцов своих, вижу, упали они духом, сломалось в них что-то. На привале начал стихи им читать японские эти. Политрук, сука, особисту донес. Мне потом товарищи маляву на зону передать смогли. Довожу, мол, до вашего сведения, что капитан Трибунов распространяет среди бойцов пораженческие настроения и читает им записи стратегического противника. Вот так. Я потом обратно на фронт просился, хоть в штрафбат, хоть куда. Не взяли.

Староста снова помолчал и закончил:

– Мне в сорок восьмом меру пресечения поменяли. Я теперь не зэка, а ссыльный. Почти свободный человек. Кореш один, сидели вместе, в Якутск зовет, на фабрику. Но я не поеду, устал от холодов. Вот срок закончится, денюжат скоплю и рвану к сестре в Саратов. А политрука этого я найду. Зайду в гости, если жив еще.

Трибунов замолчал и больше не проронил ни слова. Сидел и смотрел на огонь в печи. Заключенные вокруг играли в карты, разговаривали, кто-то смеялся. Отдельной кучкой сидели

«шпионы» и «террористы»

² *Троцкист* – в годы сталинских репрессий сторонники Троцкого подверглись гонениям как оппозиция действующему режиму.

³ *58-я статья УК РСФСР* (и союзных республик) – с 1926 по 1961 год устанавливала ответственность за контрреволюционную и антисоветскую деятельность.

блатные. Они оживленно что-то обсуждали, разбавляя речь виртуозным матом. В полумраке у некоторых можно было разглядеть темные наколки на костяшках пальцев.

– Японские стихи, – тихо проговорил Митя больше для себя самого. – Интересно было бы почитать.

На нос упала холодная капля. От жара печи начал таять иней, толстой белой бахромой облепивший низкий потолок барака. Люди вокруг разговаривали и дышали. Жили. Стало тепло, даже душно. Хотелось скинуть тяжелый ватник, но Митя только плотнее закутался в одежду, чтобы подольше задержать тепло. Завтра снова ранний подъем, холодные промерзшие тоннели прииска и тяжелые тачки с породой. Норма – пятьдесят за смену. После сегодняшних работ до сих пор немели руки. Митя думал, что будет очень горд собой, если осилит хотя бы десять тачек.

Уже перед самым отбоем, после вечернего построения, умер один из обитателей «Германии». Вернувшись в барак с плаца, заключенные снова расселись тесным кругом возле печки. Один из них сполз с табуретки на пол, как будто хотел подобраться поближе к теплу, неуклюже сел на землю и уткнулся лицом в колени, потом застонал, дернулся несколько раз и затих. Кто-то протянул руку и попробовал нащупать на шее пульс.

– Все, – спокойно сказал он, – откинулся земляк. Давно уже на сердце жаловался.

– Хорошая смерть, – послышался чей-то голос. – Всем бы так...

Трибунов поднялся с места, подошел к покойнику, посмотрел на него сверху вниз и громко крикнул:

– Дежурный!

Никто не ответил. Трибунов осмотрелся по сторонам и снова рявкнул:

– Где дежурный, мать вашу?!

– Я здесь, начальник, – подал голос кто-то из блатных.

– Тело в морг, – скомандовал староста.

К нему подошел коренастый тип, которого все в бараке звали Америкой, – ростовский карманник с кривым, сломанным когда-то носом.

– Ты sdурел, начальник? Какой морг? Пока донесешь его, отморозишь все что можно. Да и не справлюсь я один. Он вон здоровый какой. А я старый больной человек. Мне по инвалидности уже амнистия положена.

– Ты что предлагаешь, здесь его оставить?

– До утра, начальник. Возле дверки положим в холодке. Что с ним за ночь-то станет? Не убежит ведь.

Трибунов вернулся на место и злобно процедил:

– В печенках уже сидите, филоны блатные.

Америка растянул губы в щербатой ухмылке. Утром дежурить будет уже кто-то другой. Он склонился над мертвецом и начал шарить у того по карманам. Не найдя ничего ценного, глянул в сторону своих и коротко свистнул. К нему подбежали двое шестерок и, подняв покойника за руки и ноги, отнесли к воротам. Митя на мгновение всмотрелся в его лицо, худое и осунувшееся, смутно знакомое. За свой короткий срок он еще не успел завести близких знакомств, да и не особо к этому стремился. Трибунов, блатные, остальные заключенные, даже солдаты и офицеры из конвоя – их лица были разные и одинаковые одновременно, слившиеся в один общий лик. Дети серой однообразной массы в ватниках и полушубках, отличимые друг от друга только неуловимыми, полустертыми чертами.

Митя начал клевать носом, глаза слипались. Очень не хотелось отходить от теплой печки, но он заставил себя подняться и забраться на жесткие нары верхнего яруса. Перед тем как провалиться в сон, он еще раз мельком глянул на распростертое возле входа тело. Утром мертвеца отнесут в морг при лагерном лазарете. Там его разденут, старый доктор, тоже из заключенных, выпишет свидетельство о смерти, а труп оставят на холодном полу. Зимой окрестная земля

промерзала насквозь, становилась твердой как камень. Мертвецов просто складывали в морге, а после прихода тепла хоронили в общих могилах. Прошлым летом Митя видел эти похороны. Лето в тундре длилось несколько недель, верхний слой почвы оттаивал совсем чуть-чуть. Могилы выдалбливали ломом и кирками. Из разрытых ям веяло ледяным холодом. Бывал Митя и в морге. Закоченевшие голые трупы лежали друг на друге, как деревянные чурки. В уродливой куче, которая щетинилась почерневшими конечностями. С этими воспоминаниями Митя заснул. Снов не было, только сплошная чернота, бездонная и холодная, как все вокруг.

Он проснулся в крошечной тьме. Пробуждение всегда было трагедией. Оно означало холод, лай собак, крики конвойных, построение и новый бесконечно тяжелый день. Но сейчас Митя проснулся задолго до подъема. От холода. На секунду ему показалось, что у него нет рук и ног. Митя их не чувствовал. Его трясло. Он попробовал пошевелиться. Задубевший ватник тихо хрустел от каждого движения. Жесткие деревянные нары были покрыты толстым слоем инея. Во сне с Мити сползла шапка, он приподнял голову и тихо зашипел от боли: клочок волос вместе с лоскутом кожи остался на лежаке. Митя сел и начал растирать закоченевшие руки, дышал на них, дрожа от холода. В кончиках пальцев появились иголки боли, которая стала нарастать, вместе с теплом расплываясь по телу. Он шевелил пальцами ног, но совершенно не чувствовал их.

Митя почему-то решил, что холод наступил резко, внезапно и разбудил его. Как будто кто-то огромный дунул в барак ледяным дыханием. Из темноты слышались шорохи, тяжелые неуклюжие шаги. Затем совсем рядом кто-то приглушенно застонал, зашуршала одежда, раздался короткий треск ткани. Митя поежился, снова закутался в ватник, надвинул на лоб шапку и лег на нары, подтянув колени почти к самому подбородку. Стоны заглохли, но в темноте кто-то продолжал шевелиться. Митя знал, как в лагерях эски удовлетворяют свои потребности. Во время этапа, в одном из пересыльных пунктов, он стал свидетелем того, как десяток заключенных насиловали одного парня. Его крики и слезы долго преследовали Митю в кошмарах. Наконец возня затихла, барак снова погрузился в холодную тишину.

Митя больше не уснул. Ворочался с боку на бок, дрожал, дышал на руки, хлопал себя по бокам, пытаясь согреться. Так и промучился несколько часов до самого подъема. Утром тишину нарушил чей-то истошный крик.

– Твою мать! – вопил кто-то из заключенных. – Это что ж такое-то, а?! Твою мать!

Он кричал что-то еще, но слова разбавлялись причитаниями и матерными ругательствами, из-за чего терялся смысл. В бараке началась возня и суматоха. К первому голосу добавлялись все новые и новые. Злые, испуганные, удивленные, недоумевающие. Митя приподнялся и посмотрел, что происходит. Кто-то зажег керосиновую лампу, в ее тусклом свете он увидел, как возле нар собралась уже целая толпа заключенных, которые что-то внимательно рассматривали. Другие свешивались с верхних ярусов, кто-то приподнимался на цыпочках, пытаясь понять, что случилось. Митя прыгнул с лежака, чувствуя боль в оживающих конечностях. Он проталкивался сквозь толпу, выглядывая поверх голов, но ничего не разбирал. Один из заключенных согнулся пополам, рыгнул, и изо рта у него плеснула струйка слюны вперемешку с мутной желчью. Другой, бледный, с перекошенным от ужаса лицом, шел навстречу Мите, явно спеша оказаться подальше от увиденного.

– Ужас, – тихо бубнил он себе под нос, – ужас какой.

Митю толкнули в спину, он протиснулся между арестантами и наконец оказался лицом к лицу с причиной всеобщего переполоха. На нижних нарах лежали двое. Нутро Мити похолодело. Оба человека были мертвы, очевидней некуда. Один ладонью зажимал рот другому, у

которого был растегнут ватник, скомкана одежда и разорван живот. Большая рана протянулась от солнечного сплетения до паха. Ее края были широко разведены в стороны, обнажая внутренности, как в анатомическом атласе. Ребра, желудок, печень, позвоночник. Почерневшие змеи кишок были вытащены наружу, разбросаны по нарам и полу. Мертвецы были с ног до головы забрызганы темной кровью и покрыты коркой инея и льда, будто несколько дней пролежали на сильном морозе, слипшись в жуткую статую.

От ужаса, удивления и непонимания у Мити закружилась голова. Всмотревшись в сморщенное, осунувшееся, оледеневшее лицо одного из мертвецов, он узнал в нем вчерашнего покойника, того самого, тело которого дежурные оставили возле выхода. Теперь он лежал на нарах рядом с другим трупом, погрузив руку в разорванный живот собрата. Он даже немного приподнялся, будто с интересом заглядывая в лицо жертвы. Митя быстро глянул в сторону выхода. Никого. Заключенные вокруг приглушенно переговаривались.

– Это что ж такое?

– Как? Когда? Кто-нибудь слышал?

– Ночью шумели, но я подумал, что на парашу потянуло.

– Да кто мог... такое?

– Может, зверье какое... в барак залезло...

– Да какой зверь такое делает?

– А покойника переложил тоже зверь твой?

– А второй кто, с дырой в пузе?

– Семен это, Матвеев, фраер из Красноярска. За хищения сидел.

Голос подал Трибунов. Он обращался к кому-то из толпы:

– Губайдулин, говори, твоих рук дело? Ты же с Матвеевым еще по осени чего-то не поделил.

Вперед вышел старый вор Губайдулин, которого все звали просто Губой, грязной пятерней поскреб щетину на бледном лице. Он происходил из крещеных кавказских горцев, был владельцем подпольного притона в Ставрополе и сидел, по слухам, за убийство партийного деятеля, который задолжал ему за слишком частые визиты к подопечным проституткам.

– Да ты что, начальник. – Блатной старался не смотреть на скрюченные, смерзшиеся тела. – Мы с ним давно все порешали. Долг Матвей вернул, все как полагается. Да и разве смог бы я такое? И жмура зачем с места двигать? – Губа помолчал и тихо добавил: – Грех это...

Заключенные снова заговорили, перебивая один другого:

– Гляньте, братцы, замерзли-то как.

– Немудрено, холод собачий. Я сам ночью чуть дуба не дал, до сих пор ног не чую.

– Когда ж потеплеет? Сил уже нет.

– С каждым днем холоднее. Не припомню такого.

Ворота в барак с грохотом отворились. В проеме показался начальник конвоя в теплом полушубке и меховой шапке. За ним шли двое солдат с автоматами, один тащил на поводке грозного вида овчарку. Та, однако, прижимала уши, будто чего-то боялась, рычала и оглядывалась по сторонам.

– Почему не на построении?! – рявкнул офицер. – Это что еще такое? Бунт? Саботаж? В карцер всем баракком собрались? Вредители чертовы! Я вам устрою! На прииске сгною, с голодухи у меня сдохнете! Староста где?

Трибунов вышел вперед:

– Гражданин капитан, у нас тут чепэ.

– Что случилось?

Начальник поостыл. Он собирался сказать что-то еще, но увидел замерзших на нарах мертвецов и закрыл рот. Глаза его полезли на лоб.

– Едрить-колотить... Это что?.. Кто?.. Кто, говорю, сделал?!

– Не можем знать, гражданин капитан, – ответил за всех староста. – Вот только сейчас нашли.

Подойдя к трупам, овчарка заскулила еще громче, по-щенячьи плюхнулась на задницу и спрятала морду между передних лап. Конвоир дернул за поводок и тихо выругался под нос, но животное только сильнее вжалось в пол и задрожало всем телом.

– Черт-те что. Мало проблем, так еще и это. – Голос офицера дрогнул. Он оглянулся на конвойных солдат, те держали автоматы наготове, но вид у них был растерянный. Капитан как-то даже смущенно взглянул на Трибунова, будто просил у него помощи. Наконец собрался с духом и, стараясь придать голосу уверенности, начал командовать:

– Значит так, этих двоих в морг. Остальные – на построение. Живо!

Военные покинули барак так же стремительно, как и появились. Солдаты быстро пятились, наставив дула автоматов на эков. Один тащил за поводок по-прежнему скулящую собаку. Все они словно ждали от заключенных агрессии, нападения, провокации. Те, в свою очередь, глядели на вооруженных людей с привычной уже смесью покорности, ненависти и страха, не оправдывая опасений начальства.

Дежурные попытались поднять и расцепить мертвецов, но те примерзли к нарам и друг к другу, как ископаемые животные к древней породе. Из закрытой на ночь подсобки принесли лом. По бараку разнеслись звуки тяжелых ударов, в стороны полетели мутные окровавленные льдинки, жуткая ледяная статуя с грохотом рухнула на пол. И невозможно было понять, кому из мертвецов принадлежит та или иная часть тела.

Быстро глянув на пустой лежак, Митя заметил нечто необычное. Среди оледенелых пятен крови, локутов одежды и кожи он увидел надписи. С первого взгляда можно было подумать, что это просто кровавые подтеки, по воле случая принявшие определенные формы. Но нет, Митя был уверен, что смотрит на письма. Как будто кто-то макал палец в темную краску и выводил каракули по грубым доскам нар. Бывший студент даже склонился над лежаком, не обращая внимания на спешащих наружу заключенных, пытаясь ближе рассмотреть неожиданную находку. Он никогда не видел ничего похожего, но на ум пришли руны древних германцев и письма тюркских народов. Увлеченный, Митя не заметил, как остался почти один в бараке. Только возле мертвецов копошились и тихо переругивались двое дежурных. Они обмотали тела длинной веревкой и потащили к выходу, через несколько метров остановились, чтобы перевести дух.

– Тяжелые, падлы, – сказал один.

– Эй, студент! – окрикнул другой. – Подсоби!

Митя вздрогнул от неожиданности, осмотрелся по сторонам, будто не понимая, где находится и чего от него хотят. Затем поспешил на помощь. Один из дежурных, фальшивомонетчик Казанович, сунул ему в руки конец веревки, а сам, подхватив с пола лом, уперся его концом в смерзшихся мертвецов. Фамилии другого дежурного Митя не знал, только блатную кличку – Чемодан. Знал, что на воле он был лихим одесским налетчиком, после войны сколотившим банду, которая грабила инкассаторов и портовые суда.

– Ну, – крякнул от натуги Чемодан, – взяли!..

Они потащили гротескную ледяную глыбу к выходу. На улице по снегу пошло легче. Зато лицо до боли сжала ледяная пятерня мороза. Казалось, стало холоднее, чем вчера. Митя почувствовал, как онемели пальцы на руках, как будто и не было толстых рукавиц, которые он выменял на упаковку сахара, присланную матерью. Напомнили о себе натруженные мышцы, отозвались ноющей болью.

С плаца доносилась ругань. Митя, пытая и отдуваясь, быстро глянул в ту сторону и увидел серый строй заключенных. Меньше, чем обычно, только одна, первая, рота. Вокруг пустых барачков суетились солдаты с собаками. Комендант лагеря яростно отчитывал конвоиров. До Мити долетали отборные матерные слова.

– Я пока за ломом бегал, – сказал пыхтящий рядом Чемодан, – кореша с кухни встретил. Говорит, вторая рота с работ не вернулась. Третья ей на смену пошла и тоже пропала.

– Побег? – спросил Митя.

– Хрен поймешь. Мне не докладывали. Хотя, если подумать, то вертухаев всяко меньше, чем эков. Передушить ничего не стоит. Тем более на прииске, с ломами да лопатами. Ну, пристрелят они пару десятков уголовничков, что с того? Остальные-то сбежать смогут.

– Куда тут бежать?

– Твоя правда, студент. Слышал я, в Казахстане бунтовал кто-то, так красноперые войска прислали, танками их давили. Тем более резону нет сейчас бежать.

– Почему это?

– Не слышал? Усатому, говорят, конец скоро. Плох совсем. Большая амнистия будет. Об этом говорили, когда я еще по этапу шел. Слухи ходят, что и для вас, каэров⁴, обломится чего-нибудь.

Митя не верил подобным разговорам. Сразу после ареста он убеждал себя, что это какая-то ошибка. Не могут же человека посадить просто за изучение языка. Тем более для себя, интереса ради. Никаким шпионом он не был. Разберутся, думал он тогда, обязательно разберутся и отпустят. В институт, домой, к маме. С этими мыслями он добрался эшелонами в Якутию, на Крайний Север, в тундру и вечную мерзлоту. Никто не разобрался и не вернул, глупо было надеяться. И сейчас глупо верить нелепым слухам. Скорая амнистия – это так, веками сложившийся лагерный фольклор, не более того.

Из тяжелых мыслей его вывел испуганный вскрик. Казанович остановился и выронил лом, который с лязгом упал на замерзшую землю.

– Ты чего, браток? – На ходу обернулся Чемодан. – Споткнулся?

– Показалось, – дрожащим голосом ответил фальшивомонетчик, – наверное...

Поднял с земли орудие и снова уперся его концом в бок одному из мертвецов. Запыхавшись и отдуваясь, они наконец добрались до лазарета. Света в окнах не было. Маленькая бревенчатая избушка сливалась с окружающим унылым пейзажем. Где-то на горизонте розовой полоской отметилось неясное солнце. Скоро оно поднимется в небо, повисит невысоко несколько часов и снова скроется за кромкой мира. С приходом весны солнце будет подниматься все выше и выше, а в разгар лета вообще не будет покидать небосклон целыми сутками. Подарок местным обитателям в скудные теплые недели. Но сейчас светило осторожничало, будто боялось, что здешний контингент то ли украдет его как социалистическую собственность, то ли впаяет десять лет лагерей.

Чемодан постучал в дверь лазарета. Ему не ответили, но изнутри слышались тяжелые шаги. Дежурный толкнул дверь, та со скрипом отворилась.

– Есть кто? – спросил Чемодан, проходя в полумрак здания. – Доктор, принимай жмууров. Где штемпель ставить за посылку?

Замерзший Митя проскользнул следом. Прямо в сенях располагалась холодная клеть морга. Каждый гость видел распростертых на полу покойников. Сейчас в темноте Митя мог разобрать только чернеющий провал дверного косяка. Кто-то ходил во мраке справа, где располагались докторский кабинет и палата на четыре койки. В самом лазарете лечили незначительные обморожения, растяжения, ушибы, простуду, рвали зубы и накладывали повязки. Тяжелораненых и больных переправляли в лагерную больницу в Среднеколымск.

– Чего в темноте шастаете, лунатики? – спросил Чемодан у призраков в глубине комнаты. – Электричество казенное экономите? Начальство не оценит и премию не выпишет.

Пока бывший налетчик говорил, его руки шарили по стене в поисках выключателя. Когда зажегся свет, Чемодан, легенда одесских бульваров и гроза инкассаторов, больше не мог

⁴ *Каэр* – контрреволюционер.

вымолвить ни слова, только кричал. Крепкие холодные руки вцепились в него мертвой хваткой, повалили и потащили по полу в глубь палаты.

Митя не сразу понял, что произошло с Чемоданом. Просто стоял в свете электрической лампочки, открыв от удивления рот и глядя на струганные доски пола мертвецкой. Там было пусто. Покойников, которых складывали здесь с наступлением настоящих северных морозов, кто-то убрал. Зато за стенкой, в палате и кабинете доктора, скрипели шаги не одной пары ног. Истошно вопил несчастный блатной. Митя бросился к выходу, но чья-то неуклюжая, неправильная фигура загородила дверной проем. Двое ночных покойников, по-прежнему смерзшиеся между собой. Один из них, с раной на животе, края которой покрылись толстой коркой грязного льда, протискивался внутрь лазарета, таща следом собрата. Другой вцепился посиневшей пятерней в лицо фальшивомонетчика Казановича, закрыв ему глаза, нос и рот. Несчастный упирался, хотел вырваться или хотя бы закричать, но из-под мертвых пальцев доносилось лишь приглушенное мычание и пронзительный визг. Громко хрустнули лицевые кости. Между пальцами мертвеца хлынули дымящиеся ручейки темной крови, которая, застывая на морозе, текла вязко и медленно. Другая рука чудовища рвала ватник заключенного, пытаясь добраться до мягкого живота. Казанович затих и задергался в конвульсиях, когда из него, как из разорванной тряпичной куклы, достали скользкий узел кишок. Что-то упало на белый снег с влажным хлопьям.

Ужасное двухголовое, четырехрукое и четырехное существо, состоящее из двух совсем недавно живых людей, медленно надвигалось на Митю, который вжался в бревенчатую стену.

Мертвец с разорванным брюхом все-таки втиснулся в узкий проход, волоча за собой примерзшего сиамского близнеца, который кромсал внутренности Казановича. Вертел кишки в руках, пропускал между пальцами, подносил к почерневшему худому лицу, будто пытаясь что-то в них рассмотреть. Митя вышел из оцепенения, но пути к отступлению были перекрыты. Он бросился в палату, откуда доносились крики Чемодана, Забился в угол между стеной и шкафом для лекарств, замирая от ужаса, еле дыша. Деревянный пол палаты был покрыт студнем из крови и внутренностей. На койках лежали два разорванных в клочья тела, в которых невозможно было опознать людей. По болезни им повезло освободиться от работ на прииске и одновременно не повезло оказаться здесь этим утром. На полу валялась изорванная окровавленная тряпка, в которой Митя узнал некогда белый докторский халат. Сам доктор, молчаливый лысеющий старик, превратился в грудку измочаленного мяса, разбросанную по всей палате. Будто огромное чудовище прожевало человека и выплюнуло обратно, не удовлетворившись вкусом. Только голова доктора, возвышаясь на столе, рядом с настольной лампой, напоминала о его человеческом происхождении. Мертвые стеклянные глаза с укором смотрели на дрожащего от страха Митю.

В центре комнаты с десяток полуголых костлявых мертвецов держали на весу за руки и ноги кричащего брыкающегося Чемодана. Еще трое или четверо стояли рядом. Один из них внимательно посмотрел на Митю и снова отвернулся. Верхняя часть бритого черепа была вмята вовнутрь, как поверхность спущенного футбольного мяча. Митя смутно помнил покойника. В декабре он сорвался в глубокий колодец шахты и проломил голову о камни. Другие мертвецы тоже посмотрели на Митю, но не проявили к нему интереса, будто зная, что никуда он не денется. Придет и его черед.

Чемодан вырвал ногу из цепких пальцев и с силой заехал одному из державших его в голову. Судя по звуку, словно ударил по куску твердого льда. Покойник не отступил, даже не шелохнулся. Наоборот, надвинулся и склонился над жертвой. Громко щелкнули оскаленные желто-черные зубы. Еще раз и еще. Мертвец разорвал одежду на животе арестанта и впился в горячую плоть. Челюсти заработали с новой силой, крик Чемодана превратился в высокий пронзительный визг. Голова мертвеца погружалась все глубже в человеческое тело. Остальные чудовища молча наблюдали за происходящим. Чемодан затих и безжизненно повис в руках

убийц. С громким чавканьем покойник достал голову из раны – алой дымящейся ямы. В зубах он сжимал отвратительный склизкий моток внутренностей. Остальные последовали его примеру: копошились в кишках и органах человека, доставали и рассматривали их, как будто изучали, пытались что-то найти. Митя не выдержал, в глазах помутилось, он отвернулся, и его вырвало на грязный пол мутной горькой желчью. Вспомнились жутковатые рассказы с лекций по истории про древних шаманов и жрецов, которые гадали по внутренностям людей и животных.

Теряя сознание, он бросил взгляд на одну из больничных коек. На ней восседал человеческий скелет, с которого почти полностью сорвали мясо и мышцы, – недавняя жертва восстановивших обитателей морга. Он озирался вокруг пустыми глазницами, с костей свисали измощенные лоскуты плоти. Голова доктора на письменном столе открыла рот и моргнула. Митя уже не мог кричать. Без чувств растянулся на полу.

Без сознания он пробыл с минуту, пока тело Чемодана терзали на части. Митя пришел в себя после того, как чьи-то сильные холодные руки грубым рывком подняли его и поставили на пол. Открыв глаза, он вздрогнул, увидев прямо перед собой лик мертвеца. Чудовище смотрело тупым бессмысленным взглядом. Руки держали Митю под мышки, как сломанную детскую куклу. От ледяных пальцев исходил холод, проникал сквозь толстый слой одежды. Митя поднял руку, со всей силы ударил мертвеца по лицу кулаком – и вскрикнул от боли. Ощущение было такое, будто ударил по камню. Тогда он вцепился покойнику в глаза. Они были твердыми и холодными, как маленькие льдинки. Еще сильнее обожгло холодом пальцы.

Мертвец без труда оторвал человека от пола и понес в противоположный конец комнаты, где копошились возле стены его сородичи. В ужасе Митя узнал в одном из них выпотрошенного Чемодана. Тот стоял на месте, пялясь перед собой пустым взглядом. Из разорванного живота свисали внутренности, покрытые инеем и льдом. С кончика длинного крючковатого носа свешивалась маленькая розоватая сосулька.

Покойники расступились перед Митей, которого конвоир поставил на пол и, развернув к стене, сильно обхватил за голову, заставив смотреть. На что? Руки покойника были ледяными, холодом сковало череп. Митя застонал от боли и страха, но тут же увидел стену напротив. Дыхание перехватило от удивления и даже восхищения. Бревна от пола до потолка были покрыты символами, которые выводили узловатые пальцы мертвецов, измазанные человеческой кровью. Странные, причудливые, абсолютно бессмысленные на первый взгляд символы складывались в некую закономерность. Угловатые руны, красивая непрерывная вязь, примитивные рисунки, похожие на схематические изображения людей и животных, палочки, крючки и запятые. Символы и знаки, отдаленно похожие на латинские и кириллические буквы.

Тощий голый покойник, почерневший и высохший как древняя мумия приблизился к Мите. Его промерзшие мышцы громко хрустели при каждом движении. Коснулся пальцем надписей на стене, затем направил его на лоб человека. Снова на стену, и на Митины глаза, на стену, и на Митины губы. Они хотят, понял Митя, чтобы я читал, думал и говорил с ними. Но почему выбрали именно его, убив остальных? Арестанты были в курсе, что он студент-лингвист. Может, умерев, они сохранили память?

Палец мумии все порхал от стены к человеку. Закольцованный, монотонный ритуал.

– Хорошо, – сквозь слезы выговорил Митя. – Вы хотите, чтобы я это прочитал? Я попробую, попробую... Нужно время. В институте я... изучал германские и романские языки... эсперанто этот дурацкий... у нас был факультатив по мертвым языкам, в том числе и древним, но я только начал посещать... Нужно время, поймите...

Его потащили прочь от стены и надписей. Наружу из разгромленного лазарета. Покойники медленно брели следом. Краем глаза Митя видел, как на изгаженном полу шевелятся разделенные на части останки. Вот сгибаются в кулак пальцы оторванной руки. Трепещет язык в обрамлении вырванной нижней челюсти, бешено вращаются глаза на чем-то раздавленном, сплюсненном лице. Голова доктора на столе беззвучно открывала и закрывала рот, как выброшенная на берег рыба. Митя снова взвыл от ужаса и задергался. Держали крепко, тащили. Зачем? Куда?

– Нужно время, – не понимая самого себя, причитал он, – нужно время...
У мертвых было много времени.

После лазаретного смрада, пропитанного смертью и неизбежностью, чистый воздух улицы показался почти что целебным. Мороз обжег горло и легкие. Двое мертвецов вели Митю под руки. Сквозь одежду он чувствовал холод остывших пальцев. Следом брели остальные.

Вокруг носились перепуганные сторожевые собаки. Животные надрывно лаяли, скалили клыки и закатывали глаза. Одна из овчарок подбежала и укусила покойника за костлявую голень. Тут же завизжала от боли – ледяная плоть была тверже камня. Мертвец наклонился и, схватив за загривок, поднял огромного пса, как жалкого нашкодившего щенка. Его сородичи набросились на несчастное животное, начали рвать на куски. Остальные собаки, почуяв кровь, залаяли еще сильнее.

Только сейчас Митя рассмотрел, что на плацу творится невероятная суматоха. В утренних северных сумерках орущие конвоиры сдерживали строй заключенных, направив на них стволы автоматов. На земле валялось несколько тел в ватниках. Зэки кричали что-то в ответ, но под страхом смерти оставались на месте, сбившись в толпу. Комендант и начальник караула бегали вдоль колючей проволоки.

– Немедленно покиньте территорию лагеря! – рявкнул громкоговоритель, внося еще большую неразбериху. – Повторяю, немедленно покиньте территорию лагеря! Не смей подходить к забору! Иначе будет открыт огонь на поражение!

Поначалу Митя даже не понял, к кому обращался невидимый диктор. К мертвецам из лазарета? К кому-то еще? Только спустя мгновение заметил, куда светят прожектора с вышек. Свет выхватывал из темноты силуэты, медленно бредущие к лагерю по дороге со стороны рабочего поселка. Некоторые были уже совсем рядом, тянули руки к проволочным заграждениям. С вышек открыли огонь, вспышки выстрелов мелькали во тьме как умирающие светлячки. Автоматные очереди вспахивали снег и твердую землю. Никто не падал. Наоборот, идущих становилось все больше, они раскачивали столбы забора, карабкались наверх прямо по кудрявым моткам проволоки, застревали, повисали, как огромные мухи в паутине. Другие лезли прямо по сородичам, подтягивались, взбирались на опоры вышек.

Митины конвоиры остановились. Другие мертвецы обогнали их и двинулись к плацу. Живые люди не обращали на них внимания, все были заняты боем с неизвестным противником. Митя во все глаза наблюдал за происходящим. Заключенные нападали на охранников, те отстреливались. Лежащих на земле становилось все больше. Они быстро поднимались и снова атаковали. Всюду раздавались выстрелы и крики. С вышки упал часовой, полежал несколько мгновений на снегу, поднялся, побрел в самую гущу бойни. Проволочное заграждение не выдержало, волна нападавших хлынула в лагерь, поглотила людей. Выстрелы на вышках смолкли. Одиночные очереди звучали тут и там, но и они оборвались. В толпе слышались крики и завывания людей, полные ужаса и отчаяния.

Покойники дернули Митю за руки, вывели из оцепенения, снова повели вперед. Он уже не сопротивлялся, послушно и обреченно переставлял ноги. Воздух вокруг плаца пах смертью – сладковато, тошнотворно. Под ногами хлопала темно-красная каша. Стремительно остывающая на морозе кровь исходила едва заметным паром. На земле шевелились фрагменты человеческих тел. Верхняя часть туловища цеплялась пальцами за красный снег, тащила себя по земле. Рука с пистолетом сгибалась и разгибалась в локте. Уцелевший глаз на ободранном до черепа лице пристально уставился на Митю.

В центре плаца сгрудились уцелевшие люди – несколько десятков. Все вместе, арестанты и охранники. Перепуганные, залитые кровью с ног до головы. Дрожали, жались друг к другу. Их окружила толпа мертвецов. Недавние обитатели лагеря со свежими ранами и другие, в гражданской одежде, – жители поселка. Митя узнал одного по аккуратной рыжей бороде, в которой застыла длинными сосульками кровь. Вчерашний веселый геолог – не успел улететь, не дождался весны. Дорогой теплый полушубок был изорван колючей проволокой и следами от пуль. В толпе стояли и другие знакомые – Трибунов, Америка, Губа. Их бледная плоть закаменела на лютom морозе и зияла кровавыми ранами.

Мертвецы зашевелились. Подошли к пленникам, стали толкать их, заставляли идти, хватали, тащили за собой. Те кричали, сопротивлялись, пытались убежать, но покойники шли плечом к плечу – как стена. Толпа пошла через прорванные заграждения. На мотках колючей проволоки висел труп коменданта. Он медленно встал на ноги, туловище от груди до паха превратилось в сквозную дыру. Белый позвоночник с хрустом переломился, верхняя часть тела рухнула на землю, поползла вперед, загибая руками. Ноги остались стоять, сделали несколько осторожных шагов.

Митя понял, что мертвецы ведут их на прииск, – он много раз ходил в строю других заключенных по этой дороге. Вокруг простиралась бескрайняя тундра, торчали тут и там маленькие уродливые елки не выше человеческого роста. Мерзлая земля не давала им расти большими и крепкими, как их южные собратья. Между деревьев мелькали фигуры. На дороге появлялись остатки рабочих рот, не вернувшихся со смены. На груди у мертвецов белели тряпичные нашивки с номерами. Покойники провожали куда-то людей как жуткий почетный караул.

Рядом с дорогой зашевелился кто-то большой. Митя ахнул от ужаса, увидев возвышающуюся громаду, покрытую свалывшейся бурой шерстью, с грозно выставленными вперед длинными пожелтевшими бивнями. Мертвый мамонт поднялся из плена вечной мерзлоты по чьей-то злой воле. Доисторическое чудовище охраняло строй мертвецов и их еще теплых жертв. С ледяным хрустом вяло шевелился его полуистлевший хобот. Сквозь сухую и тонкую, как пергамент, кожу проглядывали кости и окаменевшие внутренности.

Наконец показался прииск – большой курган, ничем не отличимый от соседних холмов, кроме деревянного забора и чернеющего входа в алмазные недра. Людей повели через проходную, поторапливая пинками и ударами. Загоняли под землю. Кто сопротивлялся, тех сбивали с ног и тащили. Тоннели и забои петляли и разделялись. Наконец толпа остановилась, в темноте Митя рассмотрел, как что-то белеет впереди. Тут и там вспыхивали маленькие ручные фонарики. Мертвецы показывали пленникам то, что было скрыто в темноте. Люди застыли в почти религиозном ужасе.

Тоннель заканчивался исполинским черепом, отдаленно похожим на человеческий, размером с небольшой дом. Приоткрытый рот, оскаливший кривые метровые зубы. Провалы глазниц как огромные окна. Желтая, изъеденная трещинами древняя кость была покрыта темными письменами.

Митя узнал их.

Покойники подтолкнули людей к черепу, и началась бойня. Пленников рвали на куски, терзали и кромсали, превращая в кровавую кашу. Разбивали черепа, сдирали с костей плоть,

с мерзким хлопанием выдергивали внутренности. Крики утихли быстро. Ноги мертвецов утопали в живой трепещущей массе, теплой и податливой, как тесто. Митю подтолкнули вперед. Один из мертвецов указал пальцем на исписанный череп и на Митин лоб, на череп – и на глаза, на череп – и на губы. Митя кивнул и пошел куда ему велели. Он замороженно рассматривал руны и буквы, вязь и рисунки. Он начинал их понимать. Под ногами чавкало и хлопало. От изорванного человеческого мяса, превращенного в фарш, от потрохов и кишок исходил тяжелый густой пар, наполняющий смрадом каменную могилу. Стало жарко, Митя сбросил с себя ватник и шапку. Масса людских останков медленно стекала в открытый рот мертвого великана.

Стоял март пятьдесят третьего года. Митя Чибисов, бывший студент-лингвист, скрылся в темноте и начал читать.

Великан спал сотню лет, а потом еще много раз по столько же. Спал и видел сны о том, как он правил в этих землях. Как люди из местных племен боялись и почитали его. Приносили дары и жертвы, оставляли умерших на границе его владений. Своим ледяным дыханием он оживлял их, заставляя служить себе. В гневе великан мог уничтожить целые племена. Он забирал с собой изувеченные тела, раскладывал их на снегу в причудливые фигуры. Подолгу гадал по их внутренностям, предсказывая будущее. Свои знания он передавал людским шаманам в обмен на подношения.

У великана было имя, длинное и сложное, непонятное для людей, состоящее из тысяч символов. В этом имени была заключена вся его жизнь. Его мощь и сила. Человеческие шаманы знали только его отрывки, рисовали их на камнях и деревьях. Так было многие тысячи лет, пока люди не победили его огнем. Человеческий герой забрал у великана имя, без которого тот никогда не смог бы проснуться. Но после смерти шаманы вернулись, оставив на костях великана части его имени.

Великан спал бы еще тысячу лет и еще много раз по столько, если бы люди не пришли опять, потревожив его останки. Он задышал, смог снова призвать себе на службу мертвецов. Кровь и плоть убитых людей станет его новой кровью и плотью. Умный человек живет внутри него, питается им и пьет воду из подземных источников.

Умный человек сможет прочесть письма, он узнает имя. Когда великан вспомнит его, он проснется.

Алексей Шолохов Обуза

Дима никак не мог успокоиться. Он не мог найти себе места, когда речь заходила об отце. Он раздражался, вспыхивал. И причин тому было множество, но ни одна из них не казалась ему впоследствии весомой и оправдывающей его поведение. Брошенный отцом в тринадцать лет, сейчас, в тридцать шесть, он просто считал себя обязанным спросить с родителя за это.

Дмитрий сидел перед монитором и смотрел на мутное изображение, передаваемое веб-камерой с расстояния в три тысячи километров.

– Эй, братик! Ты чего, завис? – Раздался женский голос из динамиков. Изображение дрогнуло, и стали видны очертания человека.

– А что они тебе еще говорили? – хрипло спросил Дима.

– Что у него рак, последняя стадия. – Пауза. – Но они ему не говорят...

– Бред! Какой же это бред! Человек сдает анализы и все остальное... Результаты получает врач и говорит о них пациенту. Пациенту, понимаешь? Не тем, кто его за ручку водит!

– Ну не знаю...

– Неля, а почему они тебе позвонили?

– Они сказали, что не могут тебе позвониться.

– Бред! Вот он я! Вот мой телефон! – Дима поднял к глазку камеры свой противоударный Техет.

– Тогда не знаю, – повторила Неля.

– Они что-то замышляют, – вырвалось у Дмитрия.

– Он же хотел переехать к тебе...

– На хрена он мне здесь нужен?!

Сгоряча. Он обычно до таких выражений не доходил. Но тут...

– Если бы мне нужна была обуза, я бы завел ребенка! – выпалил он.

Тоже что-то новенькое. Дима никогда так не говорил, никогда. Он не задумывался о детях, даже ложась в постель с женой. Даже не заикался.

– Ладно, Дим, пойду я укладывать своих сорванцов.

Сестра отключилась, а Дима все еще сидел перед монитором, глядя на окошко Скайпа. Внутри кипела ярость. Как так? Где он был, когда я лежал в больнице с воспалением легких? Где все это время был он?! И, несмотря на то что отец при последней их встрече все объяснил, Дмитрий не снимал этих вопросов. Не снимал и не снимет. Скорее из-за непотухшей обиды.

Но чертовы вопросы снялись сами собой.

В десять вечера Диме позвонила Неля. Он посмотрел на часы под аккомпанемент песни «Сестренка моя» группы «Любэ» – выбранной им мелодии звонка. Если в Москве сейчас десять, то в Тюмени полночь. Внутри что-то неприятно шевельнулось. Не иначе, случилось что.

– Аллю.

Во рту пересохло, язык стал вялым, словно моллюск.

– Димка, отец умер.

Тишина. Его будто в ледяную воду окунули. Внутри все сжалось, съежилось, сердце, казалось, уменьшилось до размера ядрышка ореха. Он почувствовал себя ребенком. Слезы навернулись на глаза.

– Димка! Димка!

– Я здесь, – ответил он.

Внутренности так бы и остались сжатыми, если бы не совесть. Она, проклятая, оживила его, чтобы он смог почувствовать, ощутить в полной мере горечь утраты. Ему вдруг стало невыносимо стыдно за слова, произнесенные пару часов назад. Что, мол, не нужна ему эта обуза, что лучше б он ребенка завел.

А отец просто взял и умер. Взял и лишил его этого выбора между двумя обузами. Мол, живи, сынуля, в свое удовольствие и не отказывай себе ни в чем. Никто теперь тебе обузой не будет.

– Дима, что с тобой? – Голос сестры доносился будто сквозь толстый слой ваты – с другого континента, из параллельного мира, где нет неблагодарных детей.

– Откуда ты узнала?

– Его друг позвонил...

– Почему, черт возьми, они мне не позвонили?! – не сдержался Дима.

– У тебя что-то с телефоном. Позвони им на отцовский номер, – добавила после небольшой паузы Неля.

Он раздумывал, звонить или нет. Может, люди уже спать легли, а может... К черту! Ты что, болван?! У тебя умер отец, а ты о чужом досуге беспокоишься? Звони!

– Он умер двадцать лет назад, когда бросил меня, – прошептал обиженный пацан внутри него. Дима помедлил еще какое-то время и все-таки набрал номер отца.

Трубку взяли после четвертого гудка. И он понял, что его звонка ждали. Как, возможно, его звонка ждал отец, умирая в больнице.

– Здравствуйте, это Дмитрий, сын...

– Здравствуй, Дима. – Мужской уставший голос. – Прими наши соболезнования, твой папа скончался сегодня во время операции.

Дима не знал, что говорят в подобных случаях. Мама умерла, когда ему было двадцать, и все соболезнования он помнил весьма смутно. В чем он был уверен, так это в том, что сил отвечать тогда у него не было, он просто сидел у гроба, глядя в никуда. Сейчас было что-то другое. Он не чувствовал той боли, той утраты. Если честно, то он ни черта не понимал.

– Хоронить его мы будем в четверг. – Ворвался в сознание Димы уставший голос. – Если сможете, приезжайте попрощаться.

Снова ступор. В такие минуты весь мир будто застывал вокруг. Дима погружался в свои мысли, но и они куда-то девались, и он оказывался в вакууме.

– Дима, что случилось?

Он поднял голову. В комнату вошла жена.

– Ира, мой отец умер. – Диму напугал собственный бесцветный голос.

– Как?

Другая бы на ее месте, услышав ответ на свой вопрос, отделалась набившим оскомину «прими мои соболезнования» и пошла смотреть дальше очередную муть типа «Давай поженимся» или «Пусть говорят». Но Ира не была другой и поэтому сразу же предложила:

– А нельзя тело отправить сюда, чтобы похоронить его на родине?

Дима наконец-то вспомнил, что на другом конце провода его ждут.

– Извините, а нельзя ли переправить тело?

И завертелось. Дмитрий решил ехать за телом отца сам. Воздухом отправлять – слишком быстро (они не успевали подготовиться к похоронам) и хлопотно. Самолет летел до Домодедово, а оттуда нужно было нанимать катафалк до Тулы. С поездом тоже беда – ближайшая

отправка из Нальчика до Тулы была только двадцать четвертого июля. Почти через неделю после смерти. Не годилось. Оставались только грузоперевозки на видавших виды «газельках». И тут не обошлось без проблем. Суеверные все стали, с покойниками связываться не хотят.

Дима нашел одного добровольца на бирже в Нальчике. Его не смутил груз, но, завысив немного цену, он попросил деньги вперед. Дима не сопротивлялся и отдал затребованную сумму. Выехали они часов в пять вечера. Уже в машине Дмитрий набрал номер Ирины.

– Ну что там с кладбищем? – спросил он.

– Все нормально, – ответила Ира. – Место взяли, крест, венок и все, что нужно... Катафалк заказали. Слушай, Дим, а сколько вам ехать?

– Сутки. Наверное, сутки, – посмотрев на спидометр ревущей «газели», произнес Дмитрий. – К шести вечера подъедем.

– Ну, давай. Звони, а то мы тут тоже все переживаем.

«Когда он был живой, надо было переживать», – мысленно огрызнулся Дима.

Почему он так подумал? Ведь Ира к его отцу никакого отношения не имела. Она его даже не знала.

– Слышь, Димон!

Этот оклик оторвал его от размышлений. Дима вспомнил, что сидит в пропахшей потом кабине «газели».

– Да, – ответил он и вновь непроизвольно глянул на спидометр. Несмотря на рев, доносящийся из-под капота, машина больше семидесяти километров в час не выжимала.

– Ты дорогу знаешь? – спросил Мурад.

Дмитрий не то чтобы был шокирован этим вопросом. В Москве он насмотрелся на таких «водил». Там незнание города не избавило еще ни одного от желания заработать извозом. Но таксист – это одно, а перевозка грузов, тем более таких, как сейчас, – это другое. Его же не на день рождения позвали, не в караоке-бар и не в боулинг. Его ждут к определенному времени, и, как ни крути, он сейчас в центре событий. И он должен быть готовым к этому.

– Ты же сказал, что за пятнадцать часов доедем, – напомнил Дмитрий.

– Долетим, – кивнул водитель. – Я раньше просто дальше Ростова не ездил.

Дима едва сдержался, чтобы не закричать. Человек хватается за работу, требует деньги наперед, и... Вот почему он их взял сразу! Потому что за такой извоз он мог их не получить вообще. Искать другого времени не было, да и этот деньги вернет вряд ли. Дима сам видел, как Мурад передавал их какому-то мужчине еще в Нальчике.

– То есть до Ростова долетим? – не скрывая иронии, спросил Дмитрий.

– Обижаешь, брат, – взмахнул руками водитель.

Дима кивнул.

– А дальше я покажу.

Злость на парня прошла, когда он погрузился в воспоминания о детстве. Как ему сейчас казалось, он помнил все до мельчайших подробностей. Они жили как все – не худо, не бедно. Хотя сейчас Дима понимал, что жить как все совсем не значит жить в достатке. Да, им многого тогда не хватало, но «как все» воспринималось скорее как положительный статус. Черно-белый телевизор «Рекорд», который папа все время чинил, польская «стенка» и собрание сочинений Дюма на полках, пыжиковая шапка и каракулевый полушубок в шкафу – в общем, все как у всех. В сравнении с сегодняшним днем они были нищие, но те дни остались в памяти как счастливые. Потому что эти дни пришлись на его детство. Он не знал, назвала бы мама те дни, полные нужды, для себя счастливыми. Вряд ли, если бы она сейчас была жива, то наверняка не захотела бы вспоминать об АТП, в администрации которого ей приходилось по вечерам мыть полы, о подработках по выходным на основной работе. И все это для того, чтобы в семейный бюджет упал хоть еще один рубль. Вряд ли это для нее было счастьем – разрываться на части для того, чтобы жить как все. Да и для отца это... если бы был жив.

Странное дело, но у Димы счастливые воспоминания в большей степени были связаны с отцом. Нет, мама, разумеется, принимала непосредственное участие в их с Нелькой воспитании. Особенно ей нелегко пришлось после пропажи отца. Просто мама была строже. Если она требовала что-то сделать, то это надо было сделать, а не выдумывать себе оправдания. Отец был мягким и все время заступался за Диму, беря удар на себя.

От раздумий Дмитрия отвлек удар. Он посмотрел на водителя.

– Брат, ты тоже слышал?

– Что это? – спросил Дима.

– Не знаю. Наверное, в кузове...

– Ты что, не знаешь, что у тебя в кузове? – Он снова вспомнил о безалаберном отношении водителя к перевозкам и испугался, что сейчас все-таки может закричать на него.

– Ну, там это... батя твой.

– Что, по-твоему, он встал и пошел?!

Мурад наконец-то додумался остановить машину.

– Не кипятись ты так, сейчас гляну что почем.

– Глянет он... – буркнул Дима.

Крышка гроба лежала на полу «будки». Дмитрий невольно глянул на содержимое гроба, но, кроме белой ткани, ничего не увидел. Он подавил в себе желание снять покрывало и посмотреть на покойного. Дима побоялся, что не сможет совладать со своими чувствами и разрыдается в присутствии водителя. Но еще больше он испугался, что в его сердце будет пусто, не проснется в нем ни любви, ни скорби, ни жалости.

– Это они так плохо прибили...

– Что? – не понял Дмитрий.

– Крышку к гробу, – пояснил Мурад. – Сейчас, у меня где-то в кабине был молоток.

Водитель вышел, а Дима остался смотреть на белую простыню, закрывающую лицо отца. На мгновение ему показалось, что под тканью что-то шевелится. Он присмотрелся. Нет, игра света. Дима подошел ближе и дотронулся до края гроба, потом до простыни у стенки, а затем в середине, там, где должны быть сложены руки отца.

Он не видел отца с последней встречи года два. Интересно, сильно ли он изменился? Когда Дима приехал в Нальчик, тело отца уже приготовили – вымыли, одели и уложили в гроб, перед этим напичкав его формалином. Почему он не взглянул на отца там, при всех этих людях? Ведь он приехал туда ради него, и других дел у него там не было, чтобы отвлечься и забыть взглянуть на тело. Черт! Диме не нравилось подобное самобичевание, тем более, что в попытках надавить на собственную совесть чувствовалась какая-то фальшь. Он злился на отца, несмотря на то что тот уже два дня как мертв. Он не ощущал потери, утраты, боли. Нет, боль все-таки была. Эта боль называлась мальчишеской обидой на родителя, не выполнившего данное обещание. Именно это и чувствовал Дмитрий, но признаться себе в этом не хотел.

– Вот, брат.

Мурад влез в кузов и подошел к гробу. Посмотрел на Диму, потом перевел взгляд на покойника.

– Ну что, закрываем?

Дима кивнул, попятился и, когда Мурад положил крышку на гроб, выпрыгнул из кузова.

– Ты не обессудь, брат, я не знаю, как у вас хоронят. Но вот тебя я уважаю, – произнес водитель уже в машине.

Дима кивнул и отвернулся к окну.

– Ты приехал за телом отца за полторы тысячи километров. Это не каждому дано.

Дмитрий повернулся к нему и попытался уловить нотки иронии в голосе Мурада, но ему показалось, что парень был искренен. Дима грустно улыбнулся и сказал:

– На моем месте каждый, кто любит родителей, поступил бы так же.

Любит родителей... Два слова, так похожие на два гвоздя, держащие сейчас крышку гроба, вонзились в его воспоминания. Конечно же, он любил их. Маму так вообще боготворил, он не представлял себе жизни без нее. А теперь вот, оказывается, живет. Отца он тоже любил и не меньше, чем маму, но его исчезновение двадцать лет назад убедило Диму в предательстве, в несовершенстве этого хрупкого мира.

Он бегал за отцом словно хвостик. Куда он, туда и Димка. Однажды, когда Диме было лет семь, отец уехал в магазин, а его оставил с бабушкой. Так Дима такое устроил... Он выбежал из дома и уселся под проливным дождем на скамейку – ждать папу. Ни угрозами, ни уговорами его не могли загнать в дом. Так бабушка и простояла над ним с зонтом до приезда отца.

Отец тоже в нем души не чаял. Даже после рождения Нельки отец не забывал о сыне. А вот мама, как казалось Диме, все-таки стала меньше уделять ему внимания. Вернее, внимание на него обращено было постоянно, но уже как на старшего, как на ответственного не только за себя, но еще и за сестренку. А ему нужна была ласка. И только отец не переставал его баловать. Для него что Неля, что Дима были равны. Именно поэтому Дмитрий и посчитал пропажу (тогда-то он думал – побег) отца предательством по отношению к нему лично. Отец не обманул ни маму, считал Дима, ни Нельку (ей тогда лет десять было). Он обманул сына, который ждал от него помощи и поддержки.

Когда отец объявился, Дима был в шоке. Он долго не мог понять, для чего это возвращение. Почему его не было, когда он был нужен? Что ему надо теперь? Дмитрий уже был не в том возрасте, когда требуется поддержка, особенно от того, кто предал его. Нет, поддержка, конечно же, нужна, но Дима понимал, что не может простить отца. Не может, да и не хочет, если начистоту. Если уж на то пошло, он слишком привык рассчитывать только на себя.

Так он думал, когда ему дали телефон отца и попросили с ним связаться. Первой мыслью было выбросить клочок бумаги с номером предателя и смириться с мыслью, что отец умер (последние лет десять они так и считали), но потом он передумал и набрал, стоя на какой-то остановке. Дима нервничал и тщательно подбирал нужные слова, а когда на том конце ответили, все нужные слова вылетели из головы.

– Аллю.

Он будто позвонил в детство. Голос отца практически не изменился.

– Папа?

– Сынок?

Они так толком тогда и не поговорили, да и неудобно как-то по телефону. Потом Дима созванивался с отцом еще несколько раз. Сам, без чьих-либо просьб. Его тянуло к отцу. Ведь это единственный мостик, соединяющий его с его прошлым, с его детством. Дима пригласил отца к себе на Новый год, прекрасно понимая, что эта встреча может стать первой и последней за двадцать лет обид. Но он очень надеялся, что отец все-таки сможет убедить его в необходимости своего давнего побега. Дима его ждал. Ждал, как тогда в детстве – из магазина под проливным дождем. Только теперь никто над ним не держал зонт.

Автобусы из Нальчика приходили на «Юго-Западную», но, как водится, из-за пробок на МКАДе рейс, которым ехал отец, задерживался на час с небольшим.

– Нормально едем.

Дима очнулся и посмотрел по сторонам.

– Я говорю: к Ростову подъезжаем, – пояснил Мурад.

– А время сейчас...

– Что-то около одиннадцати.

– Как думаешь, к трем дня завтра докатим?

Кого он спросил? Он же уже знал ответ.

– Долетим. Только давай остановимся, я бы кофейку выпил.

«А я бы покрепче чего-нибудь выпил».

Дима заказал два черных кофе и два пирожка с картошкой и грибами. Он обычно не питался в придорожных кафе, но сейчас несколько необычная ситуация. Сегодня умереть от отравления он боялся меньше всего. Поели они в кабине. Мурад рассказывал, какую вкусную либжу готовила его мама. А Дима думал о своей маме. Она тоже прекрасно готовила, и пусть он не знал, что такое либжа, тем не менее был уверен в том, что его мама справилась бы с ней не хуже матери Мурада. А то и лучше. Мама по выходным пекла рогалики и ватрушки. Борщ так вообще был объединением, Димка ни у кого такого не ел. Постепенно его мысли вернулись к отцу. Он тоже неплохо готовил. Да, это было редко, по праздникам, возможно, именно поэтому Диме так хорошо это и запомнилось. Например, утка, фаршированная яблоками. А буженина? Пальчики оближешь! От этих кулинарных воспоминаний пережаренные пирожки с начинкой из крахмала на вкус стали похожи на оберточную бумагу. Дима нажевался в детстве тетрадных листов с небольшую стопку. Поэтому легко мог ставить знак равенства между пирожком в собственной руке и пульками для плевалок.

Он положил недоеденный пирожок в пакет, допил кофе и разовый стаканчик отправил туда же. Когда Дима доставал подушечку мятной жевательной резинки, в кузове снова что-то громыкнуло.

– Что это? – спросил он и выронил жвачку.

– Не знаю. – Мурад перестал жевать.

Дима выскочил из кабины первым и только у дверей «будки» остановился в нерешительности. Подоспевший Мурад, не задумываясь, открыл дверцы и заглянул внутрь. Крышка лежала на полу, рядом с гробом.

– Ты ведь ее прибил? – Дима начал злиться.

– Да, – помедлив, ответил Мурад, залез в кузов и взял молоток.

– Как же ты ее прибил, если она на каждой кочке отваливается?

– Не знаю. – Пожал плечами водитель, но когда понял, что его обвиняют, отдал молоток Дмитрию. – На. Не нравится, прибивай сам. – Выпрыгнул из «будки» и пошел к кабине.

Дима посмотрел на молоток, потом на гроб. Ему показалось, что покрывало сбилось в сторону, открыв лицо покойного. Дмитрий залез в «будку» и медленно подошел к гробу. Нет, ткань закрывала лицо. Он вспомнил похороны мамы. Ему все время казалось, что она дышит, что покрывало на груди и лице вздымается так, будто живой человек решил спрятаться от родни. Очень уж болезненные ощущения от этих «прятков»... Дима прикоснулся к покрывалу. Он не почувствовал ни страха, ни отвращения. Свои мертвые не могут напугать. Живые – другое дело...

Дима сел в кабину и протянул молоток Мураду.

– Извини.

– Прибил?

– Нет. Нам, родственникам, нельзя, – будто это все объясняло, произнес Дима.

Мурад кивнул и завел машину.

– Я аккуратно.

«Живые – другое дело, – продолжал размышлять Дмитрий. – Вот кого бояться надо. Причем родные могут во много раз больше сделать».

Новый год они отметили у Дмитрия. Да, отец не изменился. Такой же веселый добряк. Пить, как показалось Диме, стал больше. Дмитрий вспомнил, что и тогда, двадцать лет назад отец выпивал, но никогда не менялся в худшую сторону. Выпив, он становился еще добрее и веселее. Редкость, но отец остался именно таким.

Дима видел, что отец нервничает. Он явно хотел рассказать свою историю, оправдаться. И после выпитого так и сделал. Дима слушал не перебивая. Они просидели на кухне до утра. И Дима понял тогда, что плевать он хотел на эту историю. Он простил отца, когда они еще ехали в метро. Какую бы нелепую историю ни рассказывал любимый человек, мы готовы поверить и

простить. Если нет, то этот человек чужой вам, не родной и не любимый. Рассказ отца не имел никакого значения для любящего сына. Даже если бы он сказал, что ему надоела семейная жизнь и он решил бросить их, Дима смог бы найти в себе силы простить отца. Но его история говорила о том, что не все так просто. Тем более если он ее выдумал. Тюрьма, побег, Кавказ, снова тюрьма... Такое нельзя придумать на пустом месте, даже если очень хочешь оправдать свой побег. Отец никогда не был выдумщиком и вряд ли стал им. Нет, конечно, двадцать лет – приличный срок, а люди меняются и за меньшее время, но что-то подсказывало Диме, что его отца это не коснулось. Он не знал, что именно – манера говорить, жесты... или все это вместе. Отец был тем же, а это значило, что он говорил правду. Дима готов был его простить, но, как оказалось, с небольшой оговоркой – он при удобном случае будет напоминать отцу о своих детских обидах.

– Но тогда я не знал, что он умрет, – словно оправдываясь, прошептал Дима.

– Что? – спросил Мурад, но, не дождавшись ответа, махнул рукой на пассажира и снова устремил взгляд на желтое пятно, скачущее по ночной дороге впереди машины.

Тогда он действительно не знал. Дима был зол на всех. На отца, свалившегося как снег на голову, на теток – родных сестер отца, на жену, на себя, на весь этот несправедливый мир. Обида, жгучая, липкая как смола, растеклась по всему телу, не оставляя места никаким другим эмоциям. Когда отец пропал, обида нашептывала: за что тебя бросил отец? Когда нашелся, она шипела: зачем он вернулся?

После празднования Нового года отец попросил Диму отвезти его в родительский дом. Отец уже знал, что за время его отсутствия родители скончались, а в доме теперь проживала старшая сестра – женщина с нравом кобры. Отец просто хотел повидать сестер, пройтись по улицам родного города. Повидаться-то повидался, а вот пройтись не вышло. Напился отец тогда и пошел спать в свою бывшую комнату, где жил до девятнадцати лет.

Дима понимал, что отец очень нервничал, вот и напился вдрызг. Ему не дали пройтись, потому что не были рады родному брату. Дима застал этот змеиный клубок на кухне ночью. Сестры отца, словно подпольщики-заговорщики, решали судьбу, как оказалось, нежеланного гостя. Причем их не смутило появление в их «штабе» сына будущего изгнанника. Они без стыда включили и его в свою дискуссию. И Димка включился. Вот это-то и было самым мерзким. Если это не предательство, то что?

– Так, Дима, – произнесла самая старшая из сестер, – бери его и увози к себе.

– Но он же хотел погостить в родительском доме, – попытался возмутиться Дмитрий.

– Все, хватит, погостил. И пусть запомнит – нет никакого родительского дома, – как отрезала тетка и посмотрела на двух других. Те молчали. Это было молчаливое согласие. Дима знал, что старшая решала все, именно поэтому дом перестал быть родительским еще при жизни родителей. Но не спорить за право обладать недвижимостью и молча смотреть на изгнание только что нашедшегося младшего брата – разные вещи. В жилье можно уступить, тем более что у каждой из сестер свой угол имелся, но выгонять родного брата, не имеющего ничего за душой по не зависящим от него причинам... Диме показалось, что здесь не просто боязнь раздела имущества, но и что-то большее. Возможно, ненависть. Он не мог этого понять.

– Хватит мне тут бутылки собирать! – не унималась старшая, все еще оставаясь в стойке кобры.

– Он просто хотел погостить. – Диме стало противно от собственного голоса, интонации которого напоминали нытье мальчишки, застуканного за чем-то постыдным. Но ни он, ни отец ничего плохого не сделали, по крайней мере, этим ведьмам, собравшимся на шабаш.

– Ну, погостил и хватит, – слово в слово повторила за старшей средняя. – Ко мне ему нельзя. У меня сын на хорошем счету на работе.

Дима не уловил связи между работой ее сына и приездом родного брата, но расспрашивать не стал.

– А у меня и гостить-то негде, – вставила младшая.

Неожиданно. От нее-то Дима этого не ожидал. Отмолчаться – ладно, но... Она же все уши прожужжала о том, как с братиком дружила, как он за нее в школе заступался. А теперь вон оно что – подросла сестренка, значит. Что происходит с головами кровных родственников? Они начинают ненавидеть друг дружку без видимых причин. Без видимых? Не тут-то было! Дима не знал, единственная ли это причина, но сейчас он видел только ее. Наследство – вот тот камень преткновения, из-за которого родня готова поубивать друг друга. Стоп! Но отец ведь ничего не просил, даже не намекал. Тогда что происходит с этими людьми? Для Димы это оставалось загадкой. А может, лучшая защита – это нападение? Может, это для того, чтобы не попросил, не намекнул. Это было чудовищно, но то, что сделал потом Дмитрий, затмило черствость хладнокровных теток.

– И вообще, – снова подала голос средняя, – он приехал к сыну, вот пусть и гостит у него. Она произнесла это так, будто Димки в кухне не было.

– Он у сына погостил, – ответил в духе тетки Дима. – Теперь хочет у сестер.

– А у меня и гостить-то негде, – словно заклинание, повторила младшая.

– Может, ему еще и полпенсии отдавать?! – выпалила средняя.

– Не надо ему ничего отдавать! – выкрикнул Дима. – Я сейчас его подниму и отвезу на вокзал. Пусть едет туда, откуда приехал.

– Ой! – всплеснула руками старшая «кобра». – Зачем же так? Ты же его сынок.

– Он за двадцать лет вспомнил о сынке?!

Обезоруживающий аргумент. И тут же жгучая смола-обида разлилась по всему телу, поглощая все остальные чувства без остатка.

Тетки ловко его провели. Они вмиг оказались вроде бы ни при чем. Это сынок их младшего брата плохой – все обижается, как сопливый пацан. Это сейчас Димка понимал, а тогда... Тогда он подхватил эстафету. Тогда он играл на их стороне, против ничего не подозревающего отца. А может, и подозревающего. Может, тот слышал каждое слово. И плевать хотел на то, что думают о его возвращении сестры. Ему нужен был сын, к которому он вернулся.

Снова какой-то удар в кузове. Дима глянул на водительское сиденье – Мурада не было. Дима огляделся. Машина стояла под фонарем у ряда одноэтажных зданий. Еще один удар. Дима дернулся. Может, Мурад пошел заколачивать гроб? Я же сказал, что родственникам нельзя, вот он и решил помочь.

Еще удар. Дима выскочил из кабины и только у заднего борта понял, что в руке у него молоток. Получается, водитель забивает гвозди руками? Нелепая мысль... Да и удары были такие, словно кто-то нарочно толкал гроб о борт. Кто-то... Хорошо, если Мурад. Хотя что ж тут хорошего?.. Но это хоть как-то можно понять...

Дима дернул дверь, но она не поддавалась. Он взялся за ручку запора, и тут что-то ударило о дверь изнутри. Дима отскочил, едва не выронив молоток. Наступившая вдруг тишина заставила его нервно оглядеться. Тихо стало не только в кузове, но и вокруг, на улице. Дима все-таки нашел в себе силы и открыл задвижку, а потом и дверь. Заглянул внутрь – он был готов увидеть там кого угодно, но в кузове никого не было. Гроб стоял на своем месте, а крышка лежала рядом. Всё как он и оставил в прошлый раз. Что же тогда здесь билось?

Дима залез внутрь и подошел к гробу. В желтом свете плафона белая простыня, которой было накрыто тело, выглядела грязной. Диме даже показалось, что в районе головы появилось какое-то пятно. Он нагнулся, чтобы разглядеть его поближе – пятно стало заметно больше. Дима опустил на колени и, взявшись за край гроба, нагнулся над ним. Пятно начало темнеть

и увеличиваться. Одновременно на простыне начали появляться новые пятна. Они расплзались и сливались в одно целое, пока вся простыня не стала темно-красной.

Дима дотронулся до влажной ткани и тут же, скривившись, отдернул руку. В следующий миг раздался шумный вдох и простыня на лице покойного провалилась, будто он широко открыл рот. Дима подскочил и выронил молоток, который все еще держал в левой руке.

– Что, решил все-таки заколотить?

Дима вздрогнул и обернулся. У двери стоял Мурад с двумя стаканчиками кофе. Дима медленно повернулся к гробу. Простыня, накрывавшая покойного, была стерильно-белой. Даже желтый свет не загрязнял ее белизну.

– Что-то на тебе лица нет. – Мурад поставил стаканчики, залез в кузов, взял один и передал Диме. – На, выпей, а я пока прибуду.

Дима принял стаканчик и посмотрел на гроб. Все так же – тишина, белизна и неподвижность.

– Вам же нельзя, – напомнил Мурад и, подняв крышку, водрузил ее на гроб.

Удара молотка Дима слушал, уже стоя у кабины.

Что это было? Перед глазами еще стояли образы набухающей кровью простыни и провала на месте рта. И звук... Звук, будто человек пытался вдохнуть после долгой задержки дыхания... Нет, показалось. Все это нервы и усталость.

Диму клонило в сон, и даже перенесенное потрясение не помогло удержаться на поверхности реальности. Под гул двигателя и какую-то южную мелодию он провалился в сон. Ему снился отец. Живой отец. Он сидел на скамейке за домом, который так ревностно охраняли его сестры. Он курил... и плакал. От этого Диме стало не по себе. Он развернулся и хотел уйти, когда отец произнес:

– Зря я приехал.

Дима подошел к скамейке и присел рядом.

– Почему? – спросил он, хотя знал, что отец слышал ночной разговор.

– Сынок, я просто очень долго отсутствовал.

– И что? – На мгновение ему стало стыдно. Несмотря на то что там, в кухне, ночью он говорил злые, плохие вещи, он считал, что отец приехал не зря. – Все мы где-то долго отсутствуем.

Отец улыбнулся.

– Да, сынок, только причины на то у нас у всех разные. Да и родня у некоторых из нас не все готова прощать.

– Батя, плюнь. Тут все дело в доме.

– Я знаю, сынок. Но мне ведь ничего не надо.

– Беда в том, что знаем об этом только ты и я.

– И я, – слышали они голос Иры.

Ирина подошла и села по другую сторону от отца.

– Ну что, батя, поедem отсюда?

Отец вытер слезы, улыбнулся и кивнул:

– Да, и подальше.

– Подальше от этих упырей, – произнес Дима и проснулся.

«Газель» надрывалась, радио пыталось перекричать изможденный двигатель. Дима отвернулся к окну. Горизонт посветлел, предвещая скорое наступление нового дня. Дима вспомнил сон и поморщился. Сон был ни чем иным, как воспоминанием о последнем приезде

отца. Ирина и тогда поддержала его. Как оказалось, его отца поддержала только она. Дмитрий же попытался сыграть за обе команды, причем в одной игре.

Он тогда попытался оправдать и себя, и теток. Мол, он сгоряча наговорил лишнего, а тетки защищали наследство. Как заметил классик, москвичей испортил квартирный вопрос. И хотя тетки его не москвички, квартирный вопрос их интересовал самым непосредственным образом. Они не хотели ни с кем делиться. И тогда это могло оправдать их агрессию. Тогда, да. Но после смерти отца агрессия никуда не делась, разве что притупилась слегка и стала напоминать безразличие. Когда Дима сказал им о смерти отца, они повели себя сдержанно, и лишь поэтому он ничего не понял. Но когда он попросил их помочь, все стало ясно.

Они повели себя так, будто их звали на день рождения троюродного племянника кумы. Все как одна работали. Дима даже подозревал, что все они будут работать в одном месте, а начальница у них – старшая сестра. Дмитрий где-то слышал, что горе сближает. Здесь же он видел абсолютно противоположное. Либо смерть брата для них – не горе, либо они объединились, но только против покойного. В общем, тетушки отказались не только помочь с организацией похорон, но и прийти проститься. Упыри! Причем не только они. Он сам не лучше их. Слова, произнесенные им в разговоре с Нелей, возможно в минуты смерти отца, резанули его сейчас, словно остро наточенный скальпель. Он еще тот упырь.

Если бы мне нужна была обуза, я бы...

Что бы ты, мудака? Что? От тебя и требовалось-то звонить пару раз в неделю и узнавать, как здоровье у отца. А то, что он хотел к тебе переехать, так это потому, что видел в тебе опору, защиту. И это нормально. Потому что когда защита и опора нужна была тебе, он дарил их и не бляял о какой-то там обузе.

Снова удар. Только теперь Диме показалось, что это снаружи – будто камень ударил в борт «газели». Уже рассвело. В лучах солнца даже воспоминание об окровавленной простыне не казалось таким жутким. Новый удар вернул страх и неуверенность.

– Черт...

Только сейчас Дима понял, что машина никуда не едет. Мурад, укрывшись пледом, спал.

– Где мы? – спросил Дима, на время забыв об ударах в кузове.

Мурад не ответил. Дима потряс его за плечо.

– Где мы? – повторил он, когда ему наконец удалось растолкать водителя.

– Слушай, чего тебе не спится? – Мурад осмотрелся, будто забыл, где находится. – Что-то, с богом связанное...

– Богородица? – почему-то спросил Дима, хотя прекрасно понимал, что преодолеть расстояние в тысячу километров машина, в которой они находились, за ночь не могла.

– Нет, – мотнул головой водитель. – Богу, Богу... – будто пробуя на вкус, произнес Мурад.

– Богучар, – с облегчением произнес Дима. Это больше походило на правду.

– Да, он, – кивнул Мурад и снова откинулся к окну.

– Эй, ты что, спать собрался?

– Еще с полчасика, – не открывая глаз, произнес водитель.

Дима хотел напомнить, с каким грузом они едут и на какое мероприятие, но передумал. Если водитель уснет в пути, то мероприятие у них будет общим, да и на спешку им будет наплевать. Пусть поспит.

Дима вылез из кабины и только теперь вспомнил о стуке, который его разбудил. Он обошел машину, осмотрел двери. Все цело и заперто. Может, опять крышка упала? Хотя они ведь стояли. Ну, тогда, скорее всего, камень, выскочивший из-под колеса проезжающей машины, ударил в борт. Похоже на то. Дима пожал плечами и осмотрел место стоянки. Одноэтажное здание тянулось вдоль дороги метров на сто. Кучи песка и щебня говорили о продолжающемся строительстве. Несколько помещений с левого края имели вывески. Кафе «Кишмиш», магазин «Халыль»... Названия, когда-то радовавшие глаз и вносящие элемент экзотики в повседневный

быт, теперь раздражали из-за своего изобилия, из-за своей навязчивости. Складывалось такое впечатление, что гости в одночасье стали хозяевами. Иначе для кого столько халяля? Дима хотел блинов с медом, а не самсы с бараниной. Он мечтал о буженине, а не о постной говядине. Засилье этих лавок теперь трудно назвать экзотикой, это скорее экспансия. Иначе не скажешь.

Дима прошел под вывеску «Туалет-душ». Это была арка, через которую можно было попасть на заросший бурьяном двор будущего торгового центра. Туалет и душ располагались друг напротив друга по обе стороны арки. Дима ступил через порог пахнущего хлоркой помещения. Хоть здесь все как обычно. Туалетная бумага почти закончилась, но ведь ей всегда можно найти замену. Дмитрий улыбнулся.

Он подошел к ближайшему писсуару напротив входа. Достал инструмент и напрягся. Несмотря на сильное желание, моча не хотела покидать мочевого пузыря. Ничего не выходило, будто кто кран перекрыл. Странное чувство, будто кто стоит сзади. Он чувствовал затылком чье-то присутствие. Дима обернулся. Кто-то проскочил мимо двери в сторону заросшего двора. Наверное, работники торгового центра или строители. Дима снова вернулся к своим делам. Теперь успешно.

Он застегнул ширинку и подошел к раковинам у входа. Открыл кран и подставил руки под струю воды. Умылся и посмотрел на себя в зеркало. Дима был похож на отца, не один в один, конечно, но... Яблочко от яблоньки, как говорится. Тоска нахлынула неожиданно, слезы, смешиваясь с капельками воды, побежали по щекам. Дима набрал воды в ладони и снова умылся. Он был рад, что дал волю чувствам. Стало легче. Еще раз плеснул в лицо водой и глянул в зеркало. Надо брать себя в руки и возвращаться. Иначе они никогда не доберутся.

Внимание Димы привлекла открытая дверь «будки». Может, Мурад услышал стук и решил проверить, что происходит? Дима очень на это надеялся. Он подошел к машине и заглянул внутрь. Крышка лежала рядом с гробом, водителя в кузове не было. Дима поднялся и сразу же увидел скомканную ткань в пустом гробу. Он едва не закричал. Закрыв глаза и открыл их. Картинка не изменилась – гроб был пуст.

– Какого черта! – выкрикнул он.

И тут Дима вспомнил. Ведь кто-то же промелькнул позади, пока он мучил свой мочевого пузырь. Признаться, умозаключения сейчас давались ему с трудом. Он никак не мог понять, зачем это кому-то понадобилось. Воровать покойника? Зачем, мать вашу? Дима сообразил, что узнает ответы, если найдет ублюдков. Он побежал через арку на двор. Ему повезло, что трава была мокрой от дождя или росы – следы были видны еще хорошо. Дима, не раздумывая, пошел по ним.

Дорожка в примятой траве петляла, словно идущий был пьян или нес что-то тяжелое. Ублюдок! Дима пошел быстрее, но через несколько метров замер. Тело отца лежало справа от тропинки. Дмитрий упал на колени рядом и заплакал.

Какая сволочь?! Какая тварь могла это сделать?!

Вдруг за спиной он услышал шаги. Димка вскочил на ноги и резко развернулся. К нему по тропинке шел Мурад.

– Это ты?! – заревел Дима. Он не прятал слезы. Теперь ему было наплевать, что о нем подумает кавказец. Сейчас его сильнее мучила мысль, зачем тот вытащил тело сюда, зачем вообще прикасался к его отцу? Дима почему-то был уверен, что это сделал Мурад.

– Что – я?

Водитель застыл на месте.

– Это ты его сюда?.. – Дима не мог подобрать слов. Он хотел разорвать наглеца.

– Ты чего, брат? – Мурад глянул за Диму и сделал шаг назад. На всякий случай. – Ты чего?

Дима сел на мокрую траву и зарыдал. Мурад, переминаясь с ноги на ногу, все еще стоял на безопасном расстоянии.

– Зачем?! – снова спросил Дима, ни к кому конкретно не обращаясь.

Мурад пожал плечами и сделал шаг вперед.
– Брат, надо ехать.
Дмитрий вытер слезы и поднялся.
– Поможешь? – спросил он.
– Конечно.

Они уложили тело и накрыли гроб крышкой. Дима, отбросив предрассудки, забил гвозди сам. Хотел остаться в кузове, у гроба, но Мурад принес навесные замки. Они закрыли двери и защелкнули замки. Дима все время молчал, а Мурад не хотел его тревожить.

Конечно же, Дима понимал, что водитель тут ни при чем. Это каким же надо быть неадекватом, чтобы выкрасть покойника? Мурад был со странностями, но не настолько, чтобы так поступить.

– Ты знаешь... – начал кавказец. – У меня ведь тоже отец умер. Пять лет назад. Рак легких.

Дмитрий посмотрел на водителя и кивнул. Нет, это точно не он.

Нет, человек, знающий, что такое горе, утрата, не будет... Да черт возьми, этим вообще никто заниматься не должен! Это же безумие какое-то! Поймай он безумца, Дима убил бы его. Сейчас, конечно, это казалось просто словами, но тогда со злости точно убил бы.

Телефонный звонок оторвал его от мысленного расчленения подонка. Дима достал телефон и, не глядя на дисплей, нажал зеленую трубочку.

– Да, – произнес он.

– Дима?

Он сразу узнал голос с акцентом.

– Да, Жора.

– Слушай, Дима, у вас там все нормально?

Рассказать? Нет, зачем ему это?

– Да, все нормально. К Воронежу подъезжаем.

– Слушай, что-то батька твой недоволен.

Дима едва не выронил трубку.

– Почему? – Во рту пересохло, поэтому Дима не был уверен, слышал ли его собеседник.

– Почему? – повторил он.

– Он приснился моей жене и к соседке нашей приходил. Домой просился. Не нравится ему у вас.

Еще бы! Сестры работают, сын... А что сын? Сын только сейчас понял, что был свиньей по отношению к отцу. Может, и отец это понял? Дима иногда думал, что после смерти душе покойного открываются все тайны, все, что делалось, все, что говорилось за его спиной, и из-за этого становилось невыносимо стыдно, будто его – ребенка – застали взрослые за рассказом непристойных анекдотов.

– Все нормально, – заверил Дима и нажал «отбой».

Ни хрена не нормально. Каждый раз при упоминании об отце, о его желании переехать поближе к сыну Димка заводился. Необоснованная злость появлялась ниоткуда и уходила в никуда. Конечно, себе-то ее он объяснял долгим отсутствием отца. Когда он, пятнадцатилетний пацан, хотел прийти и рассказать о том, что он сегодня занял первое место по боксу в городских соревнованиях, о том, что закончил девятый класс с одной четверкой и поэтому есть основания полагать, что школу он закончит с серебряной медалью как минимум. Конечно же, он все это

рассказывал маме, но хотел еще и отцу. Он хотел быть с ним рядом. Хотел, но не мог. Сейчас он тоже хочет, но не может. Слишком поздно.

Диме снова стало тоскливо. Внутри зародился жгучий комок, с каждой подобной мыслью поднимающийся к горлу и грозящий вырваться наружу со слезами скорби. У него были эти два года, когда он мог быть с отцом. Звонить ему каждый день и радоваться тому, что он жив. Жив! Единственная ниточка, связывающая его с прошлым, со счастливым детством, оборвалась. Со смертью родных людей жизнь если не теряет смысл, то меняется и не может быть такой же, как раньше.

Когда умерла мама, жизнь не потеряла смысл лишь потому, что у него была Нелька. Он держался только ради младшей сестреники. Думал ли он, что его еще раз коснется подобное? Не думал, но знал, что подобного не избежать ни одному живущему.

В Тульскую область они въехали часов в девять вечера. В кузов больше никто не лез. Либо злодеи отстали еще в Воронежской области, либо замки имели волшебное свойство отпугивать ублюдков.

Близость к дому немного подняла настроение. Осталось примерно семьдесят километров, а это для чудо-машины Мурада дело часа на полтора даже при самом неблагоприятном стечении обстоятельств. Но к часу ночи он понял, что недооценил Мурада и неблагоприятные обстоятельства. Они заблудились. Точнее, заблудился Мурад, пока Дима спал.

– Где мы? – спросил Дима, стряхивая остатки сна.

– В Тульской области, – ответил водитель и зевнул.

Возвращение в реальность давалось с трудом.

– А конкретнее?

– Ефремов только что проехали.

Дима не мог сообразить, что имел в виду Мурад. Наверняка он говорил об указателе на Ефремов, потому что сам город находился в нескольких километрах в стороне от М4. А если они отклонились, то это значило, что им предстоит незапланированное путешествие. И чем раньше Дима это поймет, тем короче оно будет.

– Где мы? – повторил вопрос Дмитрий.

– Я же говорю: Ефремов проехали.

– Город?

Мурад, пренебрегая безопасностью, повернулся к Диме.

– Нет, мужика с фамилией...

– Останови!

Мурад послушно съехал на обочину и нажал на тормоз.

– У тебя карта есть? – спросил Дима.

– В бардачке.

Дима очень надеялся, что это не окажется карта Кабардино-Балкарии, иначе она, мягко говоря, будет бесполезной в Тульской области. Но когда он достал увесистую книгу «Атлас автомобильных дорог России», успокоился. Все не так плохо.

– Я схожу отолью, – сказал Мурад и вышел из машины.

Дмитрий развернул книгу на нужной странице. Просмотрел названия населенных пунктов, рек и дорог. Зевнул и только теперь понял, что потуги что-либо понять, мягко говоря, бесполезны. Потому как бумажные атласы еще не обладали функцией определения местонахождения, и сейчас на карте не высветится флажок с буквой «Я». Нужна помощь.

Дима вышел из кабины с картой в руках. Осмотрелся. Из людей на дороге были только он и поливающий кустарник у обочины Мурад. Ехать до ближайшей заправки можно было сколь угодно долго, и все время в неправильном направлении. Этого тоже исключать нельзя. Так что единственное верное действие – это поймать попутку и спросить, где они находятся.

Поставить, так сказать, флажок с буквой «Я». Он решил пройтись немного дальше по дороге. Хотел окликнуть Мурада, но потом решил ему не мешать.

Дима прошел метров сто, когда услышал позади голос.

– Дима! Дима!

Он обернулся. Мурад бежал к нему.

– Это не я.

Мурад начал раздражать Диму. Что значит «не я»? Пока Дмитрий спал, он передавал кому-то руль?

– Когда я вышел...

До Димы начало доходить, о чем говорит водитель.

– Что случилось?

– Твой отец...

Холодок пробежал по спине.

– Что с ним?

– Его нет в гробу!

Они нашли тело отца в овраге, метрах в десяти от дороги. Дима был шокирован происходящим, поэтому ничего не соображал и плохо слышал, что говорит Мурад. Он не знал, что делать. Он не понимал, что происходит. Они заблудились, тело отца какая-то мразь вытащила из машины и бросила здесь, в канаве. Удивительно, но, несмотря на то, что местность у дороги просматривалась неплохо, Дима никого не увидел. Ярость медленно закипала в нем. Кроме Мурада, некому. Дима до боли сжал кулаки и повернулся к водителю. Не мог же отец сам встать и уйти?

– Это не я, – поняв намерения Димы, произнес Мурад.

«Это не я! Это не я!»? Вытащить труп, бросить в овраг, а потом бежать и кричать: «Это не я!»? В это, конечно же, легче поверить, чем в то, что покойник ходит сам, но все равно что-то не складывалось. Кулаки разжались. Что-то не так.

– Что за хер?..

Дима поднял глаза на Мурада. Тот пятился назад и смотрел куда-то сквозь него.

– Ты чего?

Мурад поднял дрожащую руку и указал за спину Димы. У Дмитрия волосы зашевелились на затылке. Он медленно повернулся. Отец сидел в траве. Дима не верил своим глазам, Мурад что-то бормотал, наверное молился. Отец встал и... пошел. У Димы ослабли ноги, и он едва не упал. Отец удалялся походкой зомби из долбаного фильма ужасов.

– Что за херня? – шепотом повторил Мурад.

«Я отвезу его на вокзал и брошу там, – всплыло в мозгу. – Пусть едет куда хочет».

Он нам здесь не нужен

Что, я ему пенсию должна отдавать?

Не надо меня позорить!

Где он был, когда он был мне нужен?

ОН ЗДЕСЬ НИКОМУ НЕ НУЖЕН.

Ненуженненуженненужен...

Дима все понял.

Дима, у вас там все нормально? Мне кажется, зря ты его забрал. У нас бы ему лучше было.

Мысли, слова теток, Жоры, все крутилось по кругу, будто они все стояли сейчас здесь, на обочине дороги, ведущей неизвестно куда.

– Отец, прости, – прошептал Дима и упал на колени.

Мертвец остановился, но не повернулся к сыну.

– Прости, папа, – уже громко повторил Дима, не скрывая слез. – Я виноват перед тобой. Виноват! Слышишь? Ты мне очень нужен!

Дима плакал, опустив голову, когда почувствовал отцовскую ладонь. Мертвец положил руку сыну на голову.

– Папа, прости, – повторил Дима.

Отец погладил его по голове и улыбнулся. Да, Диме показалось, что бледные губы растянулись в улыбке.

– Ты меня прости, – сказал покойник.

– Не уходи! Ты мне нужен был всегда!

Покойник дрогнул, осел на колени напротив Димы и уронил голову на плечо сына.

– Я всегда хотел домой, сынок, – прошептал мертвец.

– Ты дома, папа, – сказал Дмитрий и крепко обнял отца.

– Спасибо, сынок.

– Не за что, – сквозь рыдания произнес Дима, но тело отца уже не шевелилось. Покойник всей тяжестью навалился на живого. Дмитрий отстранил отца, положил его на землю и обернулся в поисках Мурада. Тот так и стоял в отдалении и что-то шептал. Дмитрий вытер слезы и спросил:

– Поможешь?

Мурад сфокусировал взгляд на Диме.

– Что?

– Поможешь донести?

– А он чего? – задал нелепый вопрос Мурад.

Дима понял, о чем тот спрашивает.

– Он успокоился, – сказал он и тут же добавил: – Мне так кажется.

Отец больше их не потревожил до самого дома. Дима попросился в кузов, скорее для того, чтобы избежать ненужных расспросов. Потому что он не знал ответа ни на один вопрос. Они все это время находились на трассе М4. Просто окружающий мир играл с ними в странную игру. Добрались они за полчаса. Мурад, как только выгрузили гроб, сел в машину и уехал, не задав ни единого вопроса.

Хоронили отца на следующий день в одиннадцать. Тетки так и не пришли, будто боялись, что он сможет потребовать у них часть дома даже после своей смерти. Но Дима их не винил. Он, как и они, оказался сволочью, и именно поэтому отец все время хотел уйти.

Сотрудники ритуального агентства опустили крышку на гроб. Дима вдруг подумал, что если не подойдет к отцу еще раз, то не простит себя никогда. Он остановил рабочих и подошел к гробу. Из рук отца уже вынули иконку. Дима дотронулся до правой кисти и наклонился ко лбу покойника.

– Спасибо, сынок, – услышал он, но на сей раз даже не вздрогнул. Дима знал, что это слышит только он. А еще он знал, что отец его простил. Он почувствовал облегчение. Скорбь это не смягчило, но дышать стало легче, даже когда гроб скрылся под двухметровым слоем земли.

Дмитрий боялся взять на себя обузу в виде заботы о родном человеке, дистанцировался от отца и за это поплатился. Сутки терзаемый совестью, он был измотан и теперь уже сомневался, что отец... покойник действительно передвигался. Но он верил в то, что папа его простил, и, пожалуй, это самое главное. Вот только он сам не спешил себя прощать. Он знал, что все проходит. Скорбь не пройдет совсем, но не будет такой жгучей. А вместе с этим и придет собственное прощение. Ведь что человек умеет делать лучше всего, так это искать себе оправдания...

Дима воткнул в рыхлую землю веночек. Расправил черную ленточку – «Отцу от сына и дочери» – и повернулся к Ирине. Лицо без косметики, припухшие веки. Он нечасто видел ее такой. Он вообще не видел ее такой. До сегодняшней ночи, как оказалось, он не видел многого. Ира пошла к дороге. Дима постоял у креста какое-то время, расправил концы полотенца, скинул травинку с фотографии отца и пошел вслед за женой. Они сделали все, что на данный момент от них требовалось. И Дмитрий знал, что папа был бы доволен.

От дороги Дима махнул рукой в сторону могилы отца, будто прощался с кем. Теперь он понял, какая обуза угнетала его больше всего. Гложущая его совесть, злость на теток, на себя. Обида и безысходность. Сейчас ничего этого не было. Отец скинул с его плеч этот груз.

Дима нагнал Ирину и обнял ее. Она склонила голову к его плечу. Какое-то время они постояли и, обнявшись, пошли с кладбища. Теперь они оба знали, как назовут своего сына.

Дэн Старков Большое человеческое спасибо

За окном царила ночная тишина – противная, звенящая. А может, это в ушах звенело.

Оперуполномоченный Русанов, в миру Саня, Санек, а по большим праздникам и Александр Павлович, скорчился под раковиной туалетного умывальника. Тело била гадкая дрожь, глухо стучали зубы. В руке был судорожно зажат табельный «пээм», но надежды на него было мало. Еще каких-то пять минут назад на глазах оперуполномоченного впустую высадили целую обойму.

Сквозь звенящую тишину постепенно пробивались влажные, жадно чавкающие звуки. Это гражданка Зосимова И. П., 1975 года рождения, обгладывала майора Худоногова. Худоногов уже не хрипел – видимо, наступил болевой шок, приведший к потере сознания. Хотя майора уже попросту могло не быть в живых.

Некстати пришло на ум, что начальник по смене имел раздражающую привычку долго и живописно жаловаться на многолетний геморрой. Что ж, теперь он явно отмутился.

В голове оперуполномоченного Русанова тупым молотом бились всего два слова – «трындец» и «сука». Короткие и емкие, они точно расшвыривали обрывки ошалелых мыслей, не давали собраться во что-то хоть более-менее связное.

Оперуполномоченный прислушался к чавканью в коридоре и сглотнул мерзкий ком в горле. Рубашка прилипла к спине, пропитанная ледяным потом. Брюки тоже были влажными, и оставалось лишь надеяться, что тоже от пота.

«Трындец... сука...» – монотонно отдавалось в мыслях.

Насчет «трындеца» было, в принципе, понятно. Выход из сложившейся ситуации виделся только один – вперед ногами и то если они останутся.

А вот насчет «суки»...

В коридоре чавкнуло громче, сильнее, и по загревку Русанова пробежала дрожь.

Похоже, они были сами виноваты.

– Зырь, Санек, – подмигивает, ослабившись, младший лейтенант Полуян. – Опять училка приперлась, – он давит смешок, и на Саню веет ароматом «Примы». – Щас снова плакать начнет.

Рост у Полуяна, он же Сергеич (в лицо) и Глист (за глаза), длинный, да только плечики узкие и физиономия какая-то мелкая. Жесткая щетина и вечный запах «Примы» симпатии не добавляют. В плане карьерного роста – тоже ноль перспектив: как разжаловали пару лет назад за пьяный махач в шашлычной, так и застрял в младших лейтенантах, и, похоже, крепко застрял, надолго.

Стремный он, Полуян. Но это и понятно. Что ему всех любить и жаловать, с такими-то жизненными фортелями.

Сане скучно, и ладно бы просто скучно, так и настроение поганое донельзя. Любимый клуб вчера опять влетел в дерби да еще и всухую, и теперь соцсети переполнены народной желчью в адрес «мусоров». Плюс ноет зуб уже второй день, и, похоже, избежать визита в поликлинику все-таки не удастся. Про суку-Машку и ее истеричку-мамашку вообще лучше не вспоминать – пусть катятся на хрен, шкуры, что молодая, что старая.

И вот вдобавок еще эта Зосимова Ирина Петровна, сорока с хреном лет. Учитель русского языка и литературы из родной для Санька школы. Сам-то он ее не застал, да и она вроде как в началке работает. Тихая, скромная серая мышь в больших очках на пол-лица. Классика жанра.

Осенняя хмарь, но безветренно, кондеры уже не работают, да и вечером в дежурке тихо. Сане хорошо слышен лепет из соседнего кабинета.

– Вы извините, Семен Владимирович... – тихий, жалкий шепот. – Но, может быть, повлияете... Вы же, все-таки... – и дальше совсем уж сбивчиво, совсем моляще.

– Пошлет ее Худой, – азартно выдыхает Полуян. – Как в прошлый раз. – Он подмигивает, ухмыляясь. – Хочешь, на косарь забьемся?

Саня дергает плечом – отвали, мол. Смысл забиваться, если все и так понятно?

Майор Худоголов в кости широк и брюхо имеет немалое, своей фамилии вопреки. До пенсии ему – всего ничего, вот и перебрался в дежурку, в покое и без лишней нервозности досиживать. Выглядит представительно, говорит веско, смотрит с превосходством – чего еще надо? Такой и панику родителей осадит, и на бомжика поддатого страху наведет, и фаната футбольного успокоит. Эмоций, правда, не показывает никогда, точно Терминатор, жиром заплывший, – ну да это до тех пор, пока о геморрое своим любимом речи не заведет.

Вот и сейчас Саня прислушивается, майор втолковывает что-то училке, что-то про внутрисемейные разборки и снисхождение к мужским слабостям; она всхлипывает, а он давит свое – неуклонно, как танк.

– В прошлом году, тебя тут еще не было, он так одну мамку перемог, – шепотом сообщает Полуян. – Девка у нее, выпускной вроде класс, к подруге на вечеринку пошла и домой не вернулась...

Свистящему шепоту Глиста диссонируют высокие ноты. Училка плачет навзрыд. Но голос майора не повышается ни на йоту.

– Капец, Санек, ты бы слышал, какой тут концерт нам мамка двое суток закатывала, – ухмыляется Полуян. – А Худому похрен – дождитесь, мол, трое суток, потом пишите заявление. Она там и рыдала, и в ногах валялась – без толку. – В прокуренном шепоте лейтенанта сквозит плохо скрываемое злорадство. – Не, ну а че, реально? Может, малолетка хахаля где подцепила да на дачу к нему махнула, а нам, значит, еще пупок надрывать вхолостую?

– Так и чем закончилось-то? – рассеянно спрашивает Саня, подбрасывая на ладони вот-вот готовый разрядиться телефон.

– Да грибники ее нашли, – неохотно цедит Полуян. – Как раз на третий день в лесополосе. Видать, хахаля цепанула да характерами не сошлись.

Из кабинета начальника смены слышен звук с трудом отодвигаемого стула. Робкие, неуверенные шаги по коридору постепенно затихают. Полуян зевает до щелчка в челюстях и отправляется в курилку. Саня вспоминает, что забыл зарядку в секретере, и матерится вполголоса. В кабинете Худого – ровная, равнодушная тишина, лишь компьютер гудит монотонно.

Оперуполномоченный Русанов кое-как утвердился на неверных ногах и, стараясь не дышать, добрался до окна.

Окно было высоким – без лишнего шума не допрыгнуть. И узким – допрыгнув, не протиснуться.

Гражданка Зосимова И. П. неаппетитно поглощала майорские внутренности в коридоре. В принципе, туши Худогова ей могло хватить и до утра, а потом...

Что будет потом, Саня не представлял.

Утром их должны были сменить – он еще предвкушал возможность выспаться наконец от души. Но теперь... Он понимал, что у сменщиков с собой табельное оружие, что под градом пуль даже дохлая училка вряд ли выстоит, но кто сказал, что она станет покорно ждать расстрела?

Саню передернуло. Он прекрасно помнил, на что гражданка Зосимова стала способна после смерти.

По всему выходило, что сменщиков надо предупредить, сообщить прямо сейчас и плевать, что сначала они заподозрят тупой розыгрыш или употребление кокаина на рабочем месте. Но чертова рация осталась валяться где-то в кабинете, и до нее теперь хрен доберешься.

Внезапной надеждой ощутилась спасительная тяжесть мобильного в брючном кармане.

Оперуполномоченный Русанов рванул телефон, еще не решив, куда будет звонить сначала – в скорую, в МЧС, в соседнее отделение – и увидел тускнеющий экран. До полного отключения оставалось пять процентов заряда – и каких-то пара минут.

«Сука...»

Словно в подтверждение его мыслей, из коридора раздалось низкое булькающее урчание.

Понедельник – день, классически, тяжелый. Утром – наряду на центральной улице руки завернуть, днем – грабителей из ювелирки принять, и это еще не вечер, черт его дери. До новогодних праздников – неделя, и их группе дежурить аккуратно в ночь с тридцать первого на первое. Саня вспоминает, что пацаны как раз звали его отметить в сауне с девчонками, и от этого настроение проседает еще ниже.

Большим, что ли, в этот день сказать? Как раз и рецепт на такой случай из армейки есть...

Еще одна больная снова плачет в кабинете Худого. Тоже так себе выдалось начало недели для Зосимовой Ирины Петровны. Губы разбиты, под глазом – синяк с пятирублевик, руки все в ссадинах – и это Саня в приоткрытую дверь походя заметить смог. Скукожилась на стуле, плечи от слез вздрагивают, тонкие руки бесцветный платок в руках комкают.

– Зачастила она что-то, – усмехается недобро Полуян. – Вот только нам еще семейных разборок не хватало для полного счастья.

Училка навещает их уже почти четыре месяца. Саня хорошо знает ее историю, благо Глист после курева стабильно болтлив. Студенческая молодость в «пед», мечта сеять разумное-доброе-вечное, ранняя свадьба с ухажером из ПТУ... Пес ее знает, что в нем нашла, может, сыграло то, что он уже к тому моменту на заводе работал. А потом, на пятилетие совместной жизни, – получите подарочек: авария на производстве. Был муж – стал пират одноглазый с лицом обгорелым. Ну и покатился по наклонной плоскости, благо пособия по инвалидности на водку хватало.

– И чего она от него еще тогда не ушла? – Саня спрашивает вроде как в пространство, но у Глиста ответ всегда наготове.

– Любила, дура. А потом поздно стало. Кому она такая – после тридцати – нужна? – Полуян ухмыляется, скалит желтые зубы. – Да и бесплодна она вроде бы. Даже как инкубатор не используешь.

Пятнадцать лет жить с алкашкой да еще и люлей выхватывать регулярно – это, конечно, хреново. Саня и пожалел бы училку – не будь она такой серой мышью.

Нашлась тоже долготерпица. Раз слюбилось – значит, и стерпеться должно.

– Кажись, снова послал ее Худой. – Полуян прислушивается. – Сходи, Санек, погляди что да как, а я пока кофий прикончу.

Бесцельно шариться в соцсети и правда надоедает. Саня выходит в коридор – как раз вовремя, чтобы столкнуться с гражданкой Зосимовой нос к носу. Только теперь он замечает, как мертвенно-бледно ее лицо, точно у покойницы.

Сане неприятно на нее смотреть, хочется уйти – но его уже замечают.

– Молодой человек... – Тихий шелест, а не голос. – Пожалуйста...

– Что вам нужно? – он говорит нарочито холодно и официально. От училки разит горем, и рядом с ней невольно становится страшно этим горем заразиться.

– Семен Владимирович опять отказал... – шелестит Зосимова, не поднимая глаз. – Сказал, нет оснований дело заводить... К участковому отправляет, а он...он...

Да уж, думает Саня, училке явно не фартит. Тамошний участковый Михеев уже два дня как в реанимации – не то инсульт, не то знакомство с паленой водкой. Худой не может этого не знать – такие новости очень быстро разносятся.

– Ну а от меня чего вы хотите? – Главное просто: смотреть отстраненно, говорить не грубо, но холодно, держать дистанцию; этому все быстро учатся.

Несколько мгновений она молчит. Тонкие руки, непонятно зачем прикрывают впалую грудь под тускло-синей старческой кофтой. Весь вид училки молит о жалости, но Сане стремно ее пожалеть – как к чумному прикоснуться.

– Может, вы подскажете... Куда обратиться... Мне очень страшно, молодой человек... – Она снова чуть не плачет. – И некуда идти...

Это Сане тоже известно. Родителей у училки нет, близких родственников – тоже. Родня по мужу-бухаруку ее не особо жалует, друзей не имеется – тоже, что ли, боятся серость подхватить?.. И все же где-то в глубине себя он ощущает жалость к этой серой мышке, и тут же – раздражение на себя за эту секундную слабость.

В такие моменты на помощь приходит вызубренный канцелярит.

– Не располагаю сведениями. – Он отступает на шаг, недвусмысленно давая Зосимовой дорогу на выход. – Обратитесь по месту проживания.

Отлично звучит, а куда там обращаться – пусть сама додумывает. В дурку пускай идет. Или в собес.

Училка ошеломленно хлопает тускло-серыми глазками, даже руку вперед, не веря, вытягивает.

– Но, молодой человек... Я же... Я...

Саня, точно в ударе, гвоздит канцеляритом.

– Не обладаю полномочиями, гражданка. Ожидайте официальной смены участкового – и с ним разбирайтесь.

Ирина Петровна наконец поднимает на него взгляд. В ее глазах – тоска и боль, немая, словно у коз на бойне, которых Саня в детстве в деревне видел. Не выдержав, он отворачивается – и натывается на усмешку младшего лейтенанта Полуяна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.